

АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ИЗУЧЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПЕРЕСВЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2020

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

RELEVANT ISSUES OF THE WORLD POLITICS
DIGEST OF ARTICLES

Ассоциация содействия изучению и популяризации
истории и социально-гуманитарных наук
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПЕРЕСВЕТ»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сборник научных статей

Ассоциация
«Научно-исследовательский центр «ПЕРЕСВЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 339.97

ББК 65.5

А 75

Рецензенты:

Ведерников В. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), заместитель ответственного редактора журнала «Историческая экспертиза».

Пилявский В. П. – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, ректор АНО ДПО «Институт бизнеса и инноваций», г. Санкт-Петербург.

Редакционная коллегия:

Архипова О. В. – доктор философских наук, профессор, г. Санкт-Петербург.

Климин И. И. – доктор исторических наук, профессор, г. Санкт-Петербург.

Климин А. И. – кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург (научный редактор).

Актуальные вопросы мировой политики: сборник научных статей / под редакцией А. И. Климина и других; Ассоциация «НИЦ «Пересвет». – СПб.: Ассоциация «НИЦ «Пересвет», 2020. – 110 с.

ISBN 978-5-9031-87-79-05

DOI: 10.46987/0920112020

Внимание читателей предлагается тематический сборник научных статей, посвященный актуальным направлениям исследований в области мировой политики, геополитики и международных отношений. В 2020 году мир столкнулся с самыми серьезными вызовами за последние десятилетия, и только объединив свои усилия, человечество способно достойно на них ответить. Выход сборника приурочен к 75-летию юбилею Организации Объединенных Наций.

Сборник адресован преподавателям, научным работникам, студентам, аспирантам, всем, кому интересны события и процессы, происходящие в современной мировой политике и в международных отношениях.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, названий, переводов и иных сведений, а также за соблюдение законодательства несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9031-87-79-05

© Авторы статей, 2020

© Ассоциация «НИЦ «Пересвет», 2020

Association for the promotion of the research and popularization
of history and social and human sciences
«Research Center «PERESVET»

RELEVANT ISSUES OF THE WORLD POLITICS

Digest of articles

Association
«Research Center «PERESVET»
ST. PETERSBURG
2020

UDC 339.97

Editorial team:

Arkhipova O. V. – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg.

Klimin I. I. – Doctor of History, Professor, St. Petersburg.

Klimin A. I. – Candidate of History, St. Petersburg (executive editor).

Relevant Issues of the World Politics: digest of articles / Edited by A. I. Klimin and others; Association «RC «Peresvet». – SPb.: Association «RC «Peresvet», 2020. – 110 p.

ISBN 978-5-9031-87-79-05

DOI: 10.46987/0920112020

The readers are invited to a thematic digest of scientific articles dedicated to current areas of research in the field of world politics, geopolitics and international relations. In 2020 the world is faced with the most serious challenges in recent decades, and only by combining their efforts humanity is able to adequately respond to them. The publication of the digest is timed to coincide with the 75th anniversary of the United Nations.

The digest is addressed to teachers, researchers, students, graduate students, everyone who is interested in the events and processes taking place in modern world politics and international relations.

The editorial point of view does not always coincide with the point of view of the authors of published articles. All materials reflect the personal position of the authors. The authors of the published materials are responsible for the accuracy of quotes, names, titles, translations and other information, as well as for compliance with the law.

ISBN 978-5-9031-87-79-05

© Authors of articles, 2020

© Association «RC «Peresvet», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....9

Relevant Issues of the World Politics

Amarakoon P.
Challenges and Constraints that UN face in
conflict mediation: Case study on Yemen conflict.....15

Gronskaya O.S.
Africa and France: Historical background and Modern
cooperation.....28

Liang F.
Research on the possible signing of Free Trade Agreements
between Taiwan and the United States36

Публичная дипломатия и стратегии внешнеполитического влияния в современном мире

Гнедаш И.А., Иванов Н.С.
Публичная дипломатия России в отношении Абхазии:
фактор грузино-абхазского конфликта.....45

Кузнецов Н.М.
Датафикация в международных отношениях:
дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии.....52

Пупыкин Н.И.
История развития концепции «мягкой силы»
в контексте регулирования конфликтов.....65

Сафарова Р.Р.
Освоение космоса как элемент «мягкой силы»
в современной мировой политике..... 72

Мировая политика и средства массовой коммуникации

Джанг Х.

Формирование образа России в европейских СМИ:
экономические и политические факторы.....81

Мартус В.

Роль тревел-медиа в туристической привлекательности
Республики Молдова.....90

Хаймина А.Д.

Теоретические аспекты медиатизации дипломатического
инцидента в информационной повестке дня.....101

CONTENTS

Praefatio.....9

Relevant Issues of the World Politics

Amarakoon P.

Challenges and Constraints that UN face in
conflict mediation: Case study on Yemen conflict.....15

Gronskaya O.S.

Africa and France: Historical background and Modern
cooperation.....28

Liang F.

Research on the possible signing of Free Trade Agreements
between Taiwan and the United States36

Public Diplomacy and strategies of foreign policy in the modern world

Gnedash I.A., Ivanov N.S.

Public Diplomacy of Russia in relation to Abkhazia:
factor of the Georgia-Abkhaz conflict.....45

Kuznetsov N.M.

Data in International relations: discourse
on New Trends of Digital Diplomacy.....52

Pupykin N.I.

The history of the development of the concept
of «soft power» in the context of conflict management.....65

Safarova R.R.

Space exploration as a part of soft power
in the World Politics.....72

The World Politics and Mass-media

Jang H.

The Image of Russia in European Media:
the Political and Economic Factors81

Martus V.

The role of Travel-Media in the development
of touristic attractions of the Republic of Moldova90

Khaimina A.D.

Mediatization of diplomatic incidents:
theoretical aspects101

Предисловие

Praefatio

Вниманию читателей предлагается первый тематический сборник, подготовленный Ассоциацией «Пересвет», посвященный актуальным направлениям исследований в области мировой политики, геополитики и международных отношений.

В уходящем 2020 году мир столкнулся с самым серьезным вызовом за последние десятилетия – распространением коронавирусной инфекции, которая к настоящему времени унесла жизни более 1,5 миллиона человек (число зараженных в мире превысило 70 миллионов)¹ и официально на мировом уровне признана чрезвычайной ситуацией международного значения. Введенные в условиях пандемии жесткие ограничения на многие виды деятельности вызвали глобальный спад, охвативший всю мировую экономику. На этом фоне во многих, в том числе и в, казалось бы, вполне успешных странах, произошли серьезные социальные и политические кризисы, с новой силой обострились старые региональные конфликты. Следующий, 2021 год, по мнению международных экспертов, ожидается самым трудным и «катастрофическим» за последние 75 лет.² В этих условиях текущего момента как никогда прежде становятся востребованными, причем в планетарном масштабе, бескорыстная помощь, взаимовыручка, конструктивное взаимодействие между странами.

И в этой связи уместным будет вспомнить об одном прошедшем юбилее: 24 октября исполнилось 75 лет со дня образования самой главной и авторитетной международной организации – Организации Объединенных Наций. Кратко напомним историю ее создания.

¹ Данные Университета Джона Хопкинса [Электронный ресурс]: URL: <https://coronavirus.jhu.edu> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

² В ООН предрекли катастрофический 2021 год. РИА Новости [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20201204/oon-1587737785.html> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

*Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке.
Фото: Drop of Light/Shutterstock.com*

25 апреля 1945 года, в городе Сан-Франциско открылась представительная международная конференция, на которой делегаты союзных держав – Союза Советских Социалистических Республик, Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Китая, а также еще 46 стран в течение без малого двух месяцев обсуждали основные принципы работы будущей международной организации и разрабатывали главный документ, который будет определять ее деятельность – Устав. Еще вовсю полыхала Вторая Мировая война, а лидеры стран-инициаторов создания ООН уже думали о том, как не допустить повторения столь страшной трагедии в будущем, как уберечь мир на многие годы и десятилетия вперед от новых угроз и потрясений. Еще летом-осенью 1944 года на конференции стран Антигитлеровской коалиции в Думбартон-Окс детально обсуждалась идея создания международной организации – предтечи ООН.

Делегацию Советского Союза в Сан-Франциско возглавлял народный комиссар иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов (один из сопредседателей конференции). Впоследствии его заменил Андрей Андреевич Громыко – выдающийся советский дипломат и государственный деятель. К участию в работе конференции были приглашены и представители двух союзных республик СССР – Украины и Белоруссии.

25 июня 1945 года в здании Оперного театра Сан-Франциско состоялось последнее пленарное заседание конференции, на котором должно было пройти голосование о принятии Устава. Проводивший

*Представитель делегации СССР подписывает Устав ООН.
Источник фото: <https://ossr.ru/history/do1991/itogi-utoroj-mirovoj>*

заседание лорд Галифакс, представив окончательный проект Устава, сказал перед началом голосования: «Этот вопрос, по которому мы собираемся провести голосование, является важнейшим вопросом, по поводу которого мы когда-либо будем голосовать в нашей жизни».¹

Ввиду беспрецедентной значимости события он предложил отказаться от обычного голосования путем поднятия рук, и когда голосование было объявлено, все делегаты встали со своих мест. То же самое сделали и все присутствовавшие – около трех тысяч человек. Когда председатель объявил результаты, а Устав был принят единогласно, зал охватила овация.

После того, как Устав был в течение четырех месяцев ратифицирован парламентами большинства стран-основательниц ООН, он официально вступил в силу, и 24 октября 1945 года состоялось первое

¹ 1945: Конференция в Сан-Франциско // Страницы истории ООН [Электронный ресурс]: URL: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations/index.html> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

Посол СССР в США, представитель делегации СССР А. А. Громыко в дни работы Конференции в Сан-Франциско. 25 мая 1945 года. Источник фото: UN Photo/Rosenberg; www.unmultimedia.org/photo/

официальное заседание ООН. С этого времени 24 октября отмечается как День ООН.

Как уже говорилось, миссия ООН и ее основные цели содержатся в Уставе. Приведем их формулировки из Преамбулы Устава: «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды (...) принесшей человечеству невыразимое горе; вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций; создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права; содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни».¹

И какой бы критике подчас не подвергалась деятельность международной организации, неоспоримым является следующий факт – за последние 75 лет мир не скатился к Третьей Мировой войне, не оказался в пучине абсолютного геополитического хаоса. И в этом, несомненно, есть большая заслуга ООН.

В наше непростое и тревожное время мир особенно нуждается в объединении, в совместной созидательной деятельности, в защите жизни и здоровья миллионов людей, в обеспечении международной

¹ Устав ООН. Преамбула [Электронный ресурс]: URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

безопасности, и здесь переоценить роль ООН невозможно. Как сказал Президент России Владимир Владимирович Путин на 75-й, юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «во взаимосвязанном, взаимозависимом мире, в водовороте международных событий необходимо действовать сообща и опираться при этом на зафиксированные в Уставе ООН принципы международного права. Только так мы будем способны выполнять высокую миссию нашей Организации и обеспечить достойную жизнь для нынешнего и будущих поколений».¹

И в данной связи представленные в сборнике темы приобретают особую актуальность. Материалы разделены на три раздела. Открывают сборник англоязычные статьи, посвященные истории и современному состоянию международных отношений, вопросам урегулирования международных и региональных конфликтов. Во втором разделе представлены работы, в которых рассматриваются вопросы публичной дипломатии и анализируются стратегии внешнеполитического влияния в современном мире. Авторы статей особое внимание уделяют, в частности, такому актуальному направлению международных исследований, как цифровая дипломатия. Наконец, третий раздел содержит статьи, в которых раскрывается роль средств массовой коммуникации в современных международных отношениях и мировой политике.

Отрадно отметить, что авторами статей являются не только преподаватели и научные работники, но и молодые исследователи – студенты и аспиранты. И это дает надежду, что конструктивный разговор о судьбах современного мира, таящего в себе не только опасные вызовы, но и новые возможности и надежды, будет продолжен!

А. И. Климин

¹ Выступление В. В. Путина на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Полный текст [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/politika/9522139> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

RELEVANT ISSUES OF THE WORLD POLITICS

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_15

Challenges and Constraints
that UN face in conflict mediation:
Case study on Yemen conflict

Пуджика Б. Амаракон

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Poojika B. Amarakoon

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Организация Объединенных Наций (ООН) является единственным институтом, наделенным полномочиями по поддержанию международного мира и безопасности. Роль ООН в международном урегулировании можно проанализировать на примере тех внутригосударственных конфликтов, которые со временем приобрели международный характер. Одним из таких конфликтов является Гражданская война в Йемене. ООН принимает активное участие в урегулировании йеменского кризиса путем создания своей миссии, а также в качестве инициатора программ гуманитарной помощи через аффилированные агентства. Деятельность ООН в Йемене в качестве третьей стороны является предметом переговоров и дискуссий. Тем не менее деятельность миссии расширяется, несмотря на наличие многочисленных трудностей и ограничений, связанных со структурой самой организации, позицией враждующих сторон и ролью иных участников конфликта. По мнению автора, посредничество ООН может привести к успешному урегулированию йеменского конфликта в случае, если будут преодолены указанные препятствия.

Abstract. United Nations (UN), being the only one organization which has been vested with the procedural settings and power to maintain the international peace and security. Its role in the mediation of contemporary conflicts can see through an analysis of intrastate conflicts, and which most of them ultimately turns in to international one with the expansion of actors involved in it. Yemen Conflict is one of such cases where there is significant UN involvement in terms of its special envoy mission and as well as through its humanitarian assistance programs via its affiliated agencies. The procedure on the UN third party conflict mediation in Yemen is debatable in its bureaucratic sense, where the mission is progressing over time along with many challenges and constraints due to the structure of the organization, the nature disputant parties and the other international actors. Author summarizes that the UN can lead to a successful peace resolution, if it can overcome these impediments.

Ключевые слова: йеменский конфликт, конфликт, ООН, посредничество, урегулирование конфликтов, третья сторона, мир.

Keywords: Yemen conflict, conflict, United Nations, mediation, conflict resolution, third party, peace.

Introduction

Over centuries, conflicts are inevitable in the human civilizations. Aftermath of the Second World war, United Nations laid the foundation for a world organization in 1945 giving hope to the world community on the importance of international peace and security. Since then till the Cold war period and up to the contemporary period various conflicts were arising in the local, regional and global level whereas the major civil wars were almost tripled while increasing the number of casualties by six folds in the decade between 2011 – 2020 and it needs to give an important concern on the role that UN is playing on this. With the decolonization by 1960s, those newly independent countries from former colonial powers found it hard to carry out their administration control over their territory with ethnical divisions and later on with the cold war ideologies, conflicts raised with power sharing, human rights issues and resource distribution. Being the only supra national organization in the global level, that represents the international community, the United Nations, as per the agreed norms and principles which are mentioned in its preamble and as well as in its preceding articles is mediating into these conflicts and making efforts to confront these challenges through their process of settling disputes. However, there are various constraints and challenges that UN faces as an international organization in their conflict mediation process.

United Nations usually decides to mediate into a conflict of a state when a particular crisis is spreading on transnational basis threatening to the world peace in accordance to the Charter of the UN (Article 33: The parties to any dispute, the continuance of which is likely to endanger the maintenance of international peace and security, shall, first of all, seek a solution by negotiation, enquiry, mediation, conciliation, arbitration, judicial settlement, resort to regional agencies or arrangements, or other peaceful means of their own choice).¹ Along with the uprising of «Arab spring», in 2011, Yemen has become one of the countries which face the consequences in the form of a civil war, which is basically a power struggle between local groups and the government. But this has extended into the international dimension where several rival foreign powers directly involved into this conflict.

Accordingly, a brief recap of the situation in Yemen is as follows: as a result of the failure of the political transition which is supposed to bring the stability in Yemen with the uprising, the long term presidency of Ali Abdullah Saleh has shifted to the vice president Abdrabbuh Mansour Hadi, in 2011. President Hadi's period was with lot of chaos with attacks of separatist

¹ UN Charter, Chapter VI, Article 33. URL: <https://www.un.org/en/sections/un-charter/un-charter-full-text/> (accessed: 10.11.2020).

movement in the south and Jihadists along with corruption and poverty. The Houthi movement (known formally as Ansar Allah), Yemen's Zaidi Shia Muslim minority, a main party to the conflict rebelled against former presidency (Saleh) and during the current presidency (Hadi) they took control over the Saada province, and the capital Sana (Sana'a) by the late 2014 and early 2015. The Houthis and the security forces loyal to Saleh who were in a mission to take control over the entire country, made president Hadi to flee abroad in 2015. This rebel group believed to be backed by Shia power Iran whereas Saudi Arabia and eight other Sunni Arab states were began to make air raids aiming to defeat Houthis and trying to restore the Hadi's government with the logistical and intelligence support from USA, UK and France.¹ This has turned in to humanitarian crisis with more than 75% of the population are at a risk of starvation. However, by July 2019 a key ally of Saudi Arabia, United Arab Emirates (UAE) decided to withdraw its forces from Yemen. In August, fights erupted in the south between Saudi-backed government forces and the Southern Transitional Council (STC) and Saudi Arabia brokered a power-sharing deal. By January 2020 fights were escalated, while on April STC declared self-rule in Aden, breaking the signed peace deal.

When considering about the UN involvement, it has played the mediator role, basically by dealing with the political transition process and then focusing on special envoy's mechanism in persuading conflict parties to set back into a formal political process. These efforts are made in parallel with the Gulf Cooperation Council (GCC), EU and with other affiliated bodies of UN. Some of the UN mediation actions can be highlighted as follows: In November 2011, the government and the opposition parties signed the UN-led Agreement on the Implementation Mechanism for the Transition Process in Yemen where a UN special envoy plays a significance role in the negotiation process of the agreement. In April 2015, the conclusion of UN Resolution 2216 that requires to resume political process and withdrawal of Houthis from the government and security sector, recognizing Hadi's government as legitimate was processed by the UN via a special envoy in parallel to the initiatives of GCC. Following that resolution new rounds of peace talks continued to have in Sweden. This led to conclude the Stockholm agreement between the Houthi rebels and the Yemen government which resulted cease fire and exchange of prisoners along with the establishment of humanitarian corridors at three red sea ports. This agreement is accompanied by the Security Council Resolutions 2451 and 2452. However, UN efforts have yielded mixed results with both successes and failures, while

¹ Why is there a war? // BBC. 19.06.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-29319423> (accessed: 10.11.2020).

there are wide range of criticisms with regards to its mediation process in both positive and negative manner.

Discussion:
UN mediation process in the conflict

The Chapter VI of the UN Charter which is basically stipulates about its collective security mechanism, in its Article 39 identifies an act of aggression or a breach of international peace and security while the articles 41 and 42 determines the necessary actions and measures needs to be taken by the member states. Then under the Article 34, Security Council appoints a mandate to investigate any situation which might leads to rise of a conflict, friction or whether the continuance of such a conflict or a situation will likely to be endanger the maintenance of international peace and security. Accordingly, The UN decision to intervene into the Yemen crisis was based on the above facts has received an analytical attention, where the institution is attempting to solve one of the major world crisis in the contemporary world which is abided in the form of intrastate conflict with the influence of several other international actors and that turns out to a humanitarian conflict as well with ongoing struggle of daily life and death struggle of Yemenis. The remarkable UN humanitarian involvement through its affiliated agencies such as World Food Program (WFP), United Nations Children's Fund (UNICEF), United Nations Development Program (UNDP); the Secretary General's statements and Resolution of the United Nations Security Council (UNSC), which condemns the «Al-Qaeda»¹ and other terrorist organizations in the Arabian peninsula with special reference to the peaceful political transition process in Yemen and the call for human rights violations including the use of child soldiers and praising the GCC and G-10 initiatives are some initial approaches by the UN with regards to this conflict.

When the UN enters into a conflict it ultimately relies on its international status where it acquires it through the credibility and cohesiveness of its actors and members. It has set of international standards in its engagement in international conflicts since it is one of the conflict management actors trying to anticipate a protracted conflict and find the solutions. However, mediation is one of the powerful instruments and a diplomatic initiative that UN is using to facilitate discussions rather than coercing the disputant parties. As per Fretter.J. that *there are three different levels of conflict management: (1) violence and coercion – physical and*

¹ Организация признана террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации. Деятельность организации запрещена на территории России. – *Прим. Ред.*

psychological manifestations; (2) direct or indirect negotiation which includes forms like bargaining among the disputants; (3) the binding (e.g. adjudication) or non-binding (e.g. mediation) intervention of a third party [5].

So, this non-binding intervention or Mediation as a third party by the UN aims to achieve certain objectives: limiting the spread and intensification of the conflict; bring about an early resolution; minimize humanitarian suffering; sustaining the international law; and the provision of conducive environment for the disputant parties. To that end, UN is utilizing conflict management strategies as: enforcing physical separations among the parties involved in conflict; monitoring, observing and perpetuating a ceasefire agreement among the parties to build up a lasting resolution for the conflict through active and passive involvements in the form of inquiry or fact finding, use of good office, and influencing the adversary parties to find a solution [5].

In the advent of a serious conflict, the three organs: the Security Council, the General Assembly and the Secretary General take the actions whereas a UN mediation can occur as either one or both parties to the dispute requests the assistance or appeal to one of these organs [8]. Usually, it is because that the disputants may prefer to have a more impartial intervention in such a place lie a UN forum rather than having a regional organization or a state. Mediation generally occurs when the parties come in to the status where they do not want to escalate the conflict further and prepared to participate in to a dialogue whereas this is the ripened phase of a conflict. Nevertheless, the UN mediation process in the Yemen conflict is going through the mechanism of assistance to the disputants in restoring dialogue, offering the good office of the Secretary General particularly through its special envoy mission (appointment of a personal representative where the Secretary General does not personally mediate in a conflict). Accordingly, the UN efforts in promoting required conditions for settlements through arranging meetings and settings for talks (Communication facilitation); distance maintenance among disputants; the ceasefire conditions and information processing on decision making [5]. These are parallel efforts which conducts alongside with the provision of «good office» through the special envoy mission in Yemen which compliment with the strategies of preventive diplomacy in peacekeeping and peacebuilding through the utilization of formal mediation in the conflict. The Secretary General acts as the bridge between the General Assembly and the Security Council and much more logistically accessible to the disputants during the course of the conflict (Article 98).¹ In fact, the directive and procedural strategies in terms of this

¹ According to Article 98 of the UN Charter, the Secretary General can initiate mediation after receiving an appeal from one of the parties, a request from the Security Council or the General Assembly, or he can initiate an intermediary action based on his own assessment of the situation.

logistical arrangements where the mediator can apply more leverage in consultations by urging the disputant with penalties (sticks) or incentives (carrots). The attempt to build up a rapport with the disputant in this process has often yields good result for the Secretary General's special envoys which ultimately able to develop trust and confidence while setting a strong channel for discussion between the parties in conflict and ensure a United Nations presence during the meetings of the disputants. Apart from that, for the formulation of UN strategy, the provision of information is crucial duty of an envoy, in order to make recommendations to the Security Council on the basis of these field reports by the Secretary General [5]. Therefore, based on these principles, the UN initiatives on the Yemen dispute can further investigate as follows:

Consequently, at the heights of the conflict in 2011, the initial Special Envoy's office on the Yemeni grounds were established by then Secretary General Ban Ki-Moon with the appointment of Yemen Moroccan-British diplomat Jamal Benomar as his special adviser on national dialogue in Iraq. By April 2011, GCC initiative which is known as G10 – the Group of 10 Ambassadors, representing the five permanent members of the UN Security Council, the Gulf Cooperation Council and the European Union, was drafted and signed by all parties other than Ali Abdullah Saleh, before this official appointment of the UN envoy. Then the GCC agreement which was signed on November 2011, has included the implementation mechanism with two phased transition where the first one is the national unity and the granting of immunity to Saleh and the second one is encompassed with mechanisms such as new constitution and security reforms, the National Dialogue Conference (NDC), which is to be submitted to referendum followed by an election. But this has become unfeasible. Although, the NDC has been able to expand the scope with the inclusion of political and social forces in Yemen despite its justified criticism on its selection process, the expected transition could not be able to achieve and main problems on the government structure, transnational justice remained with the continuing of conflicts in southern and Houthis [1]. Along with the escalation of the conflict the United National Security council resorted in to coercive measures through its tool of sanctions, by acting in accordance to the Chapter VII of the UN Charter adopting its first resolution of 2140 of February 26, 2014 on Yemen. This consisted of financial and travel restrictions on anyone in Yemen who impedes the transition, while the former President Ali Abdullah Saleh, and two senior Houthi officials, Abdulkhaliq al-Houthi and Abdullah Yahya al-Hakim, were named as three individuals to be sanctioned. By bringing in the Houthi's leadership by the UN envoy Benomar, before the conflict expanded into war, the National Partnership Agreement (PNPA) was the last UN effort to reach

into a joint peaceful resolution. The failure of it peaked the crisis in 2015 with apprehending the Hadi's government whereas the UNSC Resolution 2201 of February 2015 has acknowledged this situation. Following the escape of Hadi to Sana and his request to the UN made an «Urgent intervention» by the UN in terms of preserving the constitutional legality of the country while condemning the Houthis' actions. Aftermath of the approval of Resolution 2216 on April 14 by the UNSC, which defines possible Security Council interventions, Benomar resigned the following day. This Resolution 2216, under Chapter VII includes the following: Demand for the Houthis to end the use of violence and to withdraw its forces from Sana and other areas they have been captured; to give up Voluntarily all additional weapons, including missile systems, seized from military and security institutions; to refrain from any aggression or threats to neighboring states, safe release of Major-General Mahmoud al Subaihi, the Minister of Defense of Yemen, and all political prisoner or who are under House arrest or arbitrary detention; and to terminate child recruitment and use, and release all children from their ranks (UNSC Resolution 2216).

By 2015, under the UN Special Envoy Ismail Ould Cheikh Ahmed Un conducted negotiations with the disputing parties in Geneva (June 15 – 19, 2015), Biel (December 15 – 20, 2015), and Kuwait (April 21 – August 6, 2016) respectively. By 2016 the Quad of states, the USA, the UK, Saudi Arabia and the UAE brings out a proposal to push forward the peace process in Yemen whereas the UN envoy Ahmed was consulting the Yemenis about it by acting as the messenger and negotiator on behalf of it. In more, he made efforts to introduce a proposal to the council regarding the selection of a new vice president who is appropriate to all the parties where A.M. Hadi transfers his powers adding the fact that it will address the withdrawal of Houthis and allied GPC forces and the establishment of a government of unity. This proposal has been rejected by the Hadi's government [1].

After mid-2017, UN efforts were mainly concentrated on preventing and constraining the offensive actions on Al-Hudaydah port where as it has been perceived as the eminent issue by the newly appointed UN envoy Martin Griffith by 2018. Along with the event of death of Saudi Journalist, Jamal Khashoggi inside the Saudi consulate-general in Istanbul on October 2,¹ it ignited a new spark in the crisis with the change of USA pro Saudi positions. Subsequently, producing the Stockholm agreement as a result of the meeting between the two parties and with the participation of UN Secretary General Antonio Guterres consisted with three main agreements: a statement of

¹ Jamal Khashoggi: All you need to know about Saudi journalist's death // BBC. 02.07.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-45812399> (accessed: 10.11.2020).

understanding on Taiz – forming a Committee which includes the civil society representatives; exchange of 16,000 prisoners and then a document of Al-Hodeida city and port,¹ where an explicit attention was there launching a special political mission named the United Nations Mission to support the Al-Hodeida Agreement (UNMHA), which is intended to support the implementation of the above agreement by unanimously adopting the Resolution UNSC 2452.²

So far the current UN envoys mission is still continuing whereas in the first half of 2019 Griffith was made attempts to bring the Houthis on to the UN discussion and negotiation table. The UN's establishment of UNMHA has been monitored the ceasefire in Al-Hodeida region. These elements and approaches of the UN process are continuing still up to the current scenario of the unresolved conflict.

Challenges and Constraints that UN confront in the mediation process

Being the global organization, the United Nations is solely depends on its range of membership where all the members are states. The whole process of the UN is based on this fact whereas even though it works as an autonomous actor in the settlement process, it indirectly stick on to the wants of its member states (Weiss et al.). However, UN is playing a particular role in intra state conflicts. There is a strong criticism on the timing of UN intervention to a conflict despite the fact that it is the last mean of resort into an international conflict management. Yet there are methods of prevention offering in the earlier phases of a conflict is a crucial aspect and hence the UN mediator is approaching in to its process of dispute resolution at the disadvantaged position, usually when the conflict is ripened and where the possibility to build a rapport among the disputants are almost receding. So, it is far too late in the process where the UN mediator had to engage in the point that the hostilities have highest distrust and friction and in a position of neglecting to attend in a meeting or a dialogue to achieve their expected outcomes or the demands [5]. So, in the Yemen conflict, the UN mediation through an appointment of a special envoy occurred after the 2011 Revolution where the security, political and humanitarian instability was at its peak.

UN mediation depends not only on the legitimacy of the general membership, but also on the influence exerted by the superpowers whereas

¹ Full text of the Stockholm agreement. 13.12.2018. URL: <https://osesgy.unmissions.org/full-text-stockholm-agreement> (accessed: 10.11.2020).

² Adopting Resolution 2452. Security Council Establishes Special Political Mission to Support Ceasefire between Yemen's Government. Houthi Militia. 2019. SC/13664. URL: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13664.doc.htm> (accessed: 10.11.2020).

their commitment on resolving a dispute is an important motivator and the agreement of the superpowers gives more credibility to the UN mediator. In Chapter 5 which consists about the provisions in accordance to the Security Council composition, it can see the difficulties in arriving at a shared agreement. If a permanent member is involved in a particular conflict there is problems of veto (decisions can be blocked) and they will ultimately act outside the UN framework with the mismatch of their own interests with UN mission and such states will probably point out the escape clauses such as Article 51 which defines about the right of self-defense or it may involve itself on the side of that state, where all major powers are supporting in the actions of that particular state will undermining the sovereignty of a small state. This shows the issue of representation and composition and the complex relationship of the UN leading member states affects its decision making. For instance, in such situation where the parties involved in the dispute are major powers who are against one another, the UN decision might show a tilt towards one party as UN will not bring another impartial arbitrator and risk itself becoming another actor in the conflict. Also, if it cannot be able to handle the disagreement among the stronger states in the UN membership, it creates a dilemma as such members can be much forceful in their actions with the resources and powers available for them. They either resist the UN decisions or encourage others to do so by using drastic means of influencing actions such as sending arms to the parties involved in the conflict or by using their own military power in the disputant area without considering the UN's decisions of arms embargo. So, maintaining the unanimity of these members is the most important condition for the UN to maintain its authority [8].

This situation is quite visible in the Yemen conflict. The constraints that UN face there is mainly due to two factors: the permanent five members' priority in their interests on national foreign relation strategies and then the limited ways to implement the UN decisions in its material and legal scope in terms of UN Security Council procedural structure. Here, it should be noted about the voting system of the Security Council: decisions of the Security Council are taken by the nine affirmative votes out of 15 members of the Council where as if anyone of the permanent members of the UN Security Council (P5 members) vetoed the resolution or a particular decision would not be adopted (Article 27).¹ In more the incoherence of the Department of

¹ According to Article 27 UN Charter, each member of the Security Council shall have one vote. Decisions of the Security Council on procedural matters shall be made by an affirmative vote of nine members. Decisions of the Security Council on all other matters shall be made by an affirmative vote of nine members including the concurring votes of the permanent members; provided that, in decisions under Chapter VI, and under Paragraph 3 of Article 52, a party to a dispute shall abstain

Political affairs, the Security Council and the activities of Special Envoy are formalities within the UN, which influence in this decision making process. So, the vague and difficult relations between the Yemen conflicting parties and the UN political institutions has been a reason for dragging this conflict further with changing faces of UN special envoys from time to time. In 2015, UN representative in Sana Mauritania Ismail Ould Cheikh Ahmed, who was then UN special envoy, has faced in to this marginalized decision making situation (USA support to Saudi Arabia). The fluctuation in the state system the level of agreement among major powers affects the progress in mediation attempts of UN. Similarly, the unwillingness of some major states to compromise (Kuwait) and the shadow of distrust in Yemen parties on Saudi Arabia even though they were ready to make significant concessions amidst the disagreement of coalition partners leads to a status, that Security Council could not be able to implement some resolutions effectively. On the other hand, Russia's call for the validity of the positions of Saleh and the Houthis and the open rivalry on projects between Russia and the UK on UN Security Council Resolution 2402 on the renewal of sanctions against Yemen are an additional example of the difficult practice of making decisions within the framework of the mediation process [1].

However, with regard to the above constraint, it can be said that a regional organization can gain much more consensus than the United Nations because of its homogeneity and the not having procedural constraints like veto. There is more probability that the disputant parties and the local population might give more support due to these factors and also unlike the UN, it can have more space to respond to the crisis with temporary solutions with less diplomatic efforts. Also, UN forum has the less possibility of authorization of any action for the participation and securing the support of an interested third party state (the actors in the conflict, who are at the border of the affected area, – i.e. Saudi Arabia, Iran, Iraq, – and in the Yemen conflict) unlike in regional conflict management scheme [2].

Moreover, UN have relied on its member states for the resources (especially budgetary allocations). Usually, major actors (P5 members), who contribute through higher rates of budgets, have much more influence in the UN. There is possibility that UN's mediation mission to a particular conflict can be hampered due to the lack of resources. So, its ability to implement some resolutions and decision taking is hindered due to its dependence on the resource commitment and support of its member states. The operational constraint that UN confronts here is the financial commitment levels and resource (personnel and equipment) availability of its member states. In the

from voting (UN, Right to Veto: <https://www.un.org/securitycouncil/content/voting-system>; accessed: 10.11.2020).

mediation process, mediator directives rely on the interest of the disputants in negotiating reward deals and compromises («carrots») or the denial of such incentives if the disputants are reluctant to comply («sticks»). Since UN is an organization which does not have its own «carrots» or «sticks», the UN mediator's strength is limited by this fact as it can offer less. In this scenario, UN ultimately had to rely on major power states who are with more incentives and resources use their power via their political influence and thereby they have more weight on its resolutions [5]. Some such incident in the Yemen conflict is the UN Secretary General's removal of Saudi Arabia led military coalition from its list of perpetrators (blacklist) on the use of child soldiers following their threat to cut some UN funding.¹ Also the obstruction from the coalition members (naval and aerial blockade by Saudi Arabia) delays the establishment of UN Verification and Inspection Mechanism (UNVIM) that facilitates the delivery of basic necessities to Yemen by facilitating commercial shipping to Yemen where UN was unable to start the mission without securing its fund necessity from its donors are some remarkable incidents that highlights the influence the financial factor and the power of such states in UN decision making.²

The UN mediation in the use of good office by the UN Secretary General or either via its special envoy is a passive form and it cannot persuade, press or direct the disputant parties to come in to a resolution. This method offers the facilitation of communication by providing grounds for negotiation. There are several constraints in this process where the nature and effectiveness of this procedure can be depend on the experience, rank and the international status of the representative. So, if there is a lack of consensus on its position, legitimacy issues will raise [5]. The credibility of the mediator's efforts is determined by the disputant parties in accordance to the experience and authority [8]. The criticism on the disputant parties on the UN's envoys in Yemen conflict highlights this issue. In 2017, UN's diplomatic efforts in containing the coalition offensive action on Al-Hodeida and the UN envoy Ahmed's proposal on UN management in the port was less powerful since it is without an authority of a resolution, though it received the support via presidential statement. Also the ceasing of Houthis cooperation with Ahmed with their attitude towards him being pro-Hadi

¹ *Michelle N.* Saudi-led coalition cut from UN blacklist of warring parties killing children // Reuters. 15.06.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-un-idUSKBN23M2R7> (accessed: 10.11.2020).

² In Hindsight: The Story of the UN Verification and Inspection Mechanism in Yemen // Security Council Report. 2016. URL: https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2016-09/the_story_of_the_un_verification_and_inspection_mechanism_in_yemen.php (accessed: 10.11.2020).

depicting that personal role in envoy mission can make a considerable impact in this process [1]. Also when Martin Griffith's concentration on the urgent issue in Al-Hodeida, in a circumstance where implementation of UNSC 2216 without mentioning that issue, desperate need of P5 member support for his proposal raised another credibility issue over the envoy's work.

Conclusion

The strengthening of mediation capacity by the United Nations through its existing tools of conflict resolution provides a good basis on this process. Yet there is much more to be done. The required consisted political engagement with a supportive environment are vital factors in the Yemen conflict since it has strong regional and international dimension. The nature of this conflict which is still dragging over a long period of time along with the humanitarian sufferings is itself a challenge whereas so far the UN process has yielded mixed results with both successes and failures. There are wide range of criticisms with regards to its mediation process in both positive and negative manner. It point out the necessity of UN to have more active and adequate representation over the position of different parties involved in the conflict with an innovative approach in its conflict management – both in theoretically and practically. UN's activities needs to be expanded in much more flexible manner in all phases of the conflict while complementing its process with other diplomatic initiatives. In a circumstance where the legitimacy of the mediator is depend on the expertise, experience and the row power of ability to persuade the disputant parties for negotiation, it needs to fortify the credibility of the mediator by enhancing the organization's cohesiveness and decision making procedure [5]. Accordingly, this UN mediation process in the Yemen conflict can be productive with its efforts in bringing the real parties to the conflict on to the negotiation table while effectively addressing the humanitarian issues on the ground which caused by the prolonged conflict in the country.

References

- [1] *Brehony N.* Global, Regional and Local Dynamics in the Yemen Crisis. (Eds.) Day Stephen W., Brehony, Noel. 2020. 309 p. DOI: 10.1007/978-3-030-35578-4.
- [2] *Diehl P.F.* New Roles for Regional Organizations // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. (Eds.) Crocker A.C., Hampson F.E., Aall P. 2007. P. 535-553.
- [3] DPA report // United Nations Activities in Support of Mediation. United Nations General Assembly. A/72/115 Political and Peacebuilding Affairs. 2012. Special Envoy Yemen. URL: https://dppa.un.org/en/mission/special-envoyyemen?fbclid=IwAR2XDw5aFHOrq2qDDiQUaxOda3uya7XHXN3uxOZp_eyqi6JvO6UmxFa2_ts (accessed 10.11.2020).
- [4] *Edgar A.D.* International Organization and Ending Conflicts // The International Studies Encyclopedia. (Eds.) Robert A. Blackwell. 2010. Denmark: International Studies Compendium Project. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001.
- [5] *Fretter J.* International organizations and conflict management: the United Nations and the mediation of international conflicts // Studies in International Mediation. (Eds.) Bercovitch, J. 2002. London: Palgrave Macmillan. P. 98-126.
- [6] *Mingst K., Karns M.* The United Nations and Conflict Management: Relevant or Irrelevant? // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. (Eds.) Crocker A.C., Hampson F.E., Aall P. 2007. P. 497-521.
- [7] United Nations Guidance for Effective Mediation // United Nations. New York. 2012. 26 p.
- [8] *Wallensteen, P.* Understanding conflict resolution: War, Peace and the Global System. 2007. London: SAGE Publications. 311 p.
- [9] *White P.B, Cunningham D.E, Beardsley K.* Where, when and how does the UN work to prevent civil war in self-determination disputes? // Journal of Peace Research. 2018. Vol 55. № 3. P. 380-394. DOI: 10.1177/0022343317744826.
- [10] *Zyck S.A.* Mediating Transition in Yemen: Achievements and Lessons. 2014. New York: International Peace Institution. P. 20.

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_28

Africa and France: Historical background and Modern cooperation

Оксана С. Гронская

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Oksana S. Gronskaya

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. В статье характеризуется роль Африки во французской политической истории со времени появления первых французов на африканском континенте. Анализируется влияние исторического прошлого и, в частности, колониального периода на взаимоотношения Франции и африканских государств в настоящее время. Сделана попытка понять, насколько взаимозависимы нынешние отношения между Францией и африканскими странами, и насколько в целом весома роль Африки во внешней политике современной Франции.

Abstract. The paper deals with the role of Africa in French policy and history from the first French arrival to Africa. It analyzes the impact of history and, particularly, colonial period over contemporary international relations of France and African states. The author also tries to understand how strong the connection between actors and how grand the role of African continent in French foreign policy.

Ключевые слова: Франция, Африка, колониальный период, «Франсафрика», неоколониализм, современная политика, международные отношения.

Keywords: France, Africa, colonial period, Françafrique, neocolonialism, modern politics, international relations.

Introduction

French policy has historically firmed and established roots on African continent. At first French government took control over a part of Africa, later within the Francophonie, international organization, proliferating the ideas of liberalism and democracy all other the world mostly aimed at former French colonies. Till today the organization operates well; however, France itself works over its policy to conduct and maintain relations with African governments. But to talk about the present, there is necessity to talk about the past.

From the French Revolution France has been representing itself as a defender of liberalism and human rights. Later its foreign policy was

dedicated to establishing such principles there where people and governments were lack of it. Africa has become such an object.

In the end of XIX century the Third Republic proclaimed the principle «une mission civilisatrice» to elevate African «inferior» nations for their own good. Its purposes in Africa were to give freedom and liberate locals from stagnation and any moral or physical limits [1].

Later in the second part of the XX century, precisely in 1970, the International Organization Francophonie (l'Organisation internationale de la Francophonie – OIF) was established and most of French-speaking countries joint the organization. France as a leading part has had particular influence over participants and, of course, played a tremendous role since the year of formation.

Nowadays officially France does not spread any ideas of forceful suppression of African states, even though external economic and political impact does exist on the continent.

The relevance of the research is high due to the growing influence of African continent as a separate and independent actor of international relations. Africa, becoming politically strong, maintains long-standing and strong relations with many European states, and France is no exception. Taking into account non-changeable French agenda in the issue of Africa, it is necessary to be explored how interdependent are the current relations between France and African countries, and how important is the overall role of Africa in the foreign policy of modern France.

History of the issue

French presence in Africa can be counted from 1553 when French side became interested in fishing in the south of Mediterranean Sea. That year France marked Algeria and Africa for the first time building in El Kala its first trading post – the Bastion de France. Some short trade campaigns and formation of first factories (trade points) took place on the West coast in the XVII century as well. Nonetheless, the first real attempt of conquering African territories started with Egypt in 1798. The reason to do so was not directly connected with Africa itself. Mostly the campaign led by Napoleon Bonaparte was dedicated to reducing British influence over these territories and further reaching of India. Hence, the first invasion and even unsuccessful invasion in African continent was not connected with the interest toward Africa itself.

Later in 1830 North Africa became attractive for the French. The 18-year conquest of Algeria ended up with the creation of French Algeria, which remained so for over a century. Those territories could not be called calm and obeying, the whole colonial period was full of rebellions and uprisings, as well

as attempts to carry them out. In 1881 Tunisia signed the treaty of Bardo delivering all rights to control foreign deals to the French side, two years later France acquired the full protectorate over the territory that was relevant till 1956. Later in 1912 Morocco was included into French North African colonies. The cause to start the conquest of North Africa was particularly based on desire to control fruitful agricultural Algerian territories. For long Algerian government had been delivering wheat to France. Furthermore, there was a strong threat from Algerian pirates who terrorized European trade ships during long time. The issue of prevention of possible future Algerian opposition could be solved, as France though easily, by grabbing territories for future control and integration. As an outcome Algerian local culture was seriously suppressed, muslims were limited in their rights; system of education was reinstalled into a French one – Algeria was reorganized by the French pattern. North Africa was, in general, a problematic region for French rulers.¹ Nonetheless, it did not prevent the government from continuing proliferation of its power all around African continent. The turning point in colonial history was the «Scramble for Africa» and Berlin conference in 1884 where France obtained a big part of African region. French colonies in Africa were divided into several parts, first and the biggest one was French West Africa (Afrique Occidentale Française – AOF) that consisted of eight countries. There was one smaller region nearby – French Equatorial Africa (Afrique Équatoriale Française – AEF). Every colonial federation had its one capital in Senegal (Dakar) and Congo (Brazzaville) respectively to make it easier to rule.

African territories had represented huge economic, political and military support till processes of decolonization started. However, it was not the end of French-African relations. French colonial policy did not vary a lot from traditional expansionist approaches. At the same time, France was seen as a country full of desire to spread the principles of democracy and equality among African nations. For example, in 1912 Maurice Violette in Parliament has declared that all that France has been doing in Africa affects the whole society, «appearing as a great liberating power» [1].

Coming back to the chain of historical events in 1946 French Union as a political entity was set up. The purpose was to build another type of relations between metropolis and its colonies. In 1958 France still having in mind an idea to not to let go its soon former colonies invited African nations to become a part of the French Community (Communauté française) that could make bilateral relations between colonies and protectorate to be more stable. Nonetheless, already in two years due to the French failure in the

¹ Прусская Е. Французский Алжир // Проект «Родина слонов». URL: <https://proshloe.com/francuzskij-alzhir.html> (accessed: 13.11.2020).

Indochina War and coming tense in Algeria African local governments made a decision toward their own independency. The same year French Union was reformed into French Community but did not play that big role due to the resonance year of 1960 when French colonies acquired their independence. Even though officially the unity had been lasting till 1990s it stopped literally play any role already in the African year of independence. Ten years later the International Organization Francophonie (OIF) was established that put a firm ground for stable and beneficial dialogue of not only France and its former African colonies but most of French-speaking countries. It has well-developed structure that let organize the joint work in many different realms.

During Cold war France playing not a big part in the formation of bipolar world was taking very neat care over African states.

Separately, the period of 1960s has to be introduced. During Charles de Gaulle's presidency (1959 – 1969) the policy of *Françafrique* (from the combination of words «France» and «Afrique») has been proclaimed.¹ It was a system of official and non-official mutual ties between France and former French-speaking colonies in Africa. There was a division of French influence into two categories from total control of foreign and domestic policy to only military cooperation. Army was represented by both French and local African troops. However, due to very poor military preparation of Africans France took control over training local officers sometimes replacing them by French commanders. Within these policy military operations were conducted till the end of Cold war in Central African Republic, Gabon, Mauritania and others. At the same time not only military interventions were conducted. As it was pointed out before France encouraged young African states to establish political ties as well as economic and cultural ones. Hence, cooperation accords were broadened till the point of culture and education. France obliged itself to send teachers to African schools. Furthermore, the Franc zone was formed in Sub-Saharan Africa, it was held to pose more stable conditions for African economy and, for sure, simplify economic relations between French and African governments.

In 1970s by the statement of French President of that period Valéry Giscard d'Estaing policy of economy was at reducing spending and economic support to Tropical Africa. At the same time French policy there within the OIF and separately in military and political fields did not have huge impact, the French government still followed the principles of establishing human rights by taking part in various humanitarian operations; nonetheless, it did not have grand success. 1980s were not that active on the point of French-

¹ *Diop B.B.* *Françafrique: A brief history of a scandalous word* // *NewAfricanmagazine*. 23.03.2018. URL: <https://newafricanmagazine.com/16585/> (accessed: 13.11.2020).

African dialogue. Later in comparison with the previous decade François Mitterrand chosen for his second presidential term has been felt the necessity to set up strong ties with African governments,¹ French approach toward the communication with African states in 1990s could be described as close to neocolonial policy supporting military coups on the behalf of human rights and freedoms defense.

Modern era

In the XXI century French policy on African continent has been established more actively. In the era of the Fifth Republic there was no president who did not care about French positions in Africa. Several military campaigns in Africa headed by French government were launched. The most famous are military operations in Libya and Mali. Despite the humanitarian slogans under which these operations were carried out, in the explanation of their reasons there remain, as they say, pitfalls.

Firstly, both campaigns showed that such interventions help presidents to increase their ratings. It happened with Nicolas Sarkozy and François Hollande respectively while their presidency was not that considerable, the support of French society toward them has increased but not for a long [3]. Nonetheless, it has to be mentioned that both during their presidential campaigns swore to decrease all spending to military interventions and remove the point of aid to Africa from the national agenda.

Secondly, real reasons still stay obscure. The operation in Mali was officially proclaimed as an operation against terrorism that could be spread around near African states. Niger having the common border with Mali could be occupied by local terroristic organizations «Nusrat al-Islam», «Al-Qaeda in the Islamic Maghreb»² and others; thus, it played a specific and vital role for France. There «Areva» company (modern «Orano») was located. This structure mostly owned by French government was actively extracting uranium for nuclear power means³ and could be an attractive target for terrorists. So, of course, there are no open proves whether France wanted to indemnify the whole world against the terror or it would never start a fight if French uranium mines were not located nearby. As the result there is still no

¹ FRANCE/AFRICA: Mitterrand's Legacy in Africa // Inter Press service. 1996. URL: <http://www.ipsnews.net/1996/01/france-africa-mitterrands-legacy-in-africa> (accessed: 13.11.2020).

² Организация признана террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации. Деятельность организации запрещена на территории России. – *Прим. Ред.*

³ Niger «cleared» over Areva uranium deal // BBC. 28.04.2017. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-39744861> (accessed: 13.11.2020).

peace in Mali, just recently in August 2020 military coup took place during which Ibrahim Boubacar Keïta quit his presidential post.¹

Current French President Emmanuel Macron promising to weaken and even eradicate «colonial» endeavor to French-African relations denied any previous decisions that were, indeed, too rush for Élysée Palace (Palais de l'Élysée). It seems even stronger necessity to establish closer relations between France and African states appeared. Summer 2017 France sponsored the G5 Sahel (G5 du Sahel), an intergovernmental cooperation formed in 2014 with an aim to «to fight insecurity and support development with a view to opening up the region».² One more positive for African states point was connected with Franc – during the Macron's presidential campaign there was a promise to stabilize Central Bank of West African States (Banque Centrale des États de l'Afrique de l'Ouest – BCEAO) and Bank of Central African States (Banque des États de l'Afrique Centrale – BEAC) by converting it into Euro; however, no firm steps to conclude this issue were done.³

At the same time with new era new challenges come and if before there were not so many states to compete over African control post factum colonial division, nowadays more and more actors arrive to this area. China is one of them. For France it can be a turning point in its economic ties with African states due to strong Chinese strife for new trade markets. It is already seen how France gives up its position in financial factor of cooperation but not only to China, to many other countries in Europa and America.⁴ For instance, in 2018 the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) presented the statistics of financial aid to Africa where France is not even in top 5 donors [2]. Nonetheless, China was not mentioned there at all but it did not mean it has no financial impact. Already in 2009 financial assistance to Africa was about 50% of whole Chinese foreign aid and it is not the end. It was declared that till 2025 Africa will receive USD 1 trillion «including direct

¹ *Pinault N.* France keeping close eye on Mali after coup // Voice of America. 20.08.2020. URL: <https://www.voanews.com/africa/france-keeping-close-eye-mali-after-coup> (accessed: 13.11.2020).

² G5 Sahel Joint Force and the Sahel Alliance // France Diplomacy. 2019. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/g5-sahel-joint-force-and-the-sahel-alliance/> (accessed: 13.11.2020).

³ Призрак колониализма. Какие цели Франция преследует в Африке // ТАСС. 14.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6211442> (accessed: 13.11.2020).

⁴ *Гончаров В.* Франция и Африка: вчера и сегодня // The International Affairs. 30.09.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (accessed: 13.11.2020).

investment, soft loans and commercial loans».¹ Also in the field of military cooperation, France is facing growing influence in the African region of Russia² and other states, even Japan has a military base in Djibouti and ready to finance a lot into Africa.³

In 2019 French President Emmanuel Macron had a tour around African countries in some of which he was for the first time.⁴ It shows French readiness to continue maintaining relations with Africa as well as establish new ties even with non-French-speaking African states.

Conclusion

Many French steps in Africa often depicted as the fight for democracy and human rights. By the analysis of history throughout several centuries of multilateral French-African relations it does not seem so obvious. Even *Françafrique* declared in the second part of the XX century was very dependent on world politics of that period – exactly Cold war; the idea was to avoid the spread of Soviet Union influence over African territories. Moreover, continuing French policy toward Africa that still has colonial or neocolonial connotation has the point even in humanitarian or any other realms of cooperation. As once François Mitterrand has proclaimed there is no French own history without Africa in the XXI century.⁵ France plays as tremendous role for Africa as Africa plays a tremendous role for France. While France is so significant on the South continent – it has stability to establish the policy they want. Nonetheless, priorities have been changing. Africa is growing in political and economic means and already is able to choose its own partners, which becomes more and more obvious for France. France will play a big role on the continent for long; however, nowadays not only Africa needs France but France needs Africa as well.

¹ Sun Y. China's Aid to Africa: Monster or Messiah? // BROOKINGS. 07.02.2014. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/chinas-aid-to-africa-monster-or-messiah/> (accessed: 13.11.2020).

² Russia in Africa: What's behind Moscow's push into the continent? // BBC. 07.05.2010. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-45035889> (accessed: 13.11.2020).

³ L'Afrique a-t-elle encore une importance stratégique pour la France au XXIe siècle? // Le Monde. URL: <https://goo.su/2zVe> (accessed: 13.11.2020).

⁴ Призрак колониализма. Какие цели Франция преследует в Африке // ТАСС. 14.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6211442> (accessed: 13.11.2020).

⁵ L'Afrique a-t-elle encore une importance stratégique pour la France au XXIe siècle? // Le Monde. URL: <https://goo.su/2zVe> (accessed: 13.11.2020).

References

- [1] *Conklin A.L.* Colonialism and Human rights, A Contradiction in Terms? The case of France in West Africa, 1895 – 1914 // *The American History Review*. Vol. 103. P. 419-442
- [2] Development aid at a glance. Statistics by region // OECD report. 2019. 16 p.
- [3] *Melly P.* A New way to engage? French policy in Africa from Sarkozy to Hollande // (Eds.) Pau Melly, Vincent Darracq. Chatham House. 2013. 25 p.

© Gronskaya O., 2020

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_36

Research on the possible signing of
Free Trade Agreements between
Taiwan and the United States

Лиан Фушу

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Liang Fushu

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Решение «тайваньского вопроса» является ключевой задачей Китайской Народной Республики (КНР), а концепция «Единого Китая» – основой для выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений КНР с другими странами, в том числе и с Соединёнными Штатами Америки. Однако, само возникновение тайваньского вопроса неразрывно связано с вмешательством США в интересы и внутренние дела КНР. Тайвань не является суверенным государством – это политическое образование с собственной внешней и внутренней политикой. Одним из важных факторов, влияющих на политику Тайваня, является перспектива подписания двустороннего Соглашения о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между США и Тайванем. Это необходимо Соединённым Штатам для публичной поддержки Тайваня и расширения его международного признания. Переговоры Тайваня с другими странами о создании ЗСТ не являются исключительно экономическим вопросом, они имеют очевидную политическую подоплеку. В статье проанализированы возможные последствия подписания подобного соглашения, рассматривается позиция Китая по данному вопросу в контексте трехсторонних отношений между КНР, США и Тайванем.

Abstract. The Taiwan issue is China's core interest and «One China» is the political basis of Sino-US relations has become the mainstream concept of American people of insight. However, the occurrence of the Taiwan issue is inseparable from US intervention. Taiwan is not a «sovereign country», it is a political entity, and the nature of its foreign policy and its internal policy are no exception. Among the important factors affecting Taiwan Strait policy in the future, negotiations may occur to sign the US-Taiwan bilateral free trade agreement to support Taiwan in expanding international space. Taiwan's negotiations with foreign countries to sign an FTA is not a purely economic issue, it has obvious political intentions. The article will discuss the current situation of Taiwan and the United States' possible signing of FTA from the US factor of the Taiwan issue and the attitude of China towards Taiwan's signing of FTA, so as to observe the tripartite relationship between the United States and Taiwan and China may sign FTA.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Тайвань, международное пространство Тайваня, китайско-американские отношения, американо-тайваньские отношения, Соглашение о свободной торговле, Закон об отношениях с Тайванем, «Консенсус 1992 года».

Keywords: People's Republic of China, Taiwan, Taiwan International Space, Sino-US relations, US-Taiwan relations, Free Trade Agreement, Taiwan Relations Act, «1992 Consensus».

US performance in Taiwan's international space

After 2000, the then leader of the Taiwan region Lee Teng-hui put forward the «two-state theory» of splitting the Motherland, making the Taiwan issue a new hot spot in current international politics, and the study of the Taiwan issue has also reached a new height. The study of Taiwan's international space issues roughly includes three aspects: US-Taiwan relations, cross-strait relations, and international factors affecting the Taiwan issue.

US-Taiwan relations and Sino-US relations are intertwined and complicated, because the Taiwan issue is an important factor affecting Sino-US relations and the primary unfavorable factor affecting Sino-US relations. Since the 1990s, the government of the Republic of China (self-name of Taiwan) no longer denies the Chinese Communist authorities and has given up military force to counterattack the mainland China. Since then, the crux of the Taiwan issue has been transformed from the «problem of Chinese representation» into a dispute between unity and independence, and between «sinicization» and «de-sinicization» (indigenization of Taiwan).

The Taiwan issue is undoubtedly China's internal affair, but due to historical reasons, the occurrence, development and evolution of the Taiwan issue have a profound international background. In the process of solving the Taiwan issue, it has been affected by complex international factors from the very beginning. The international factors affecting the Taiwan issue have always received high attention. Since Chen Shuibian's performances in the «democracy card», «human rights card» and «peace card» since he came to power have aroused a certain degree of resonance in the international community, and thus some Taiwan international agreements on the issue have been released one after another, making the Taiwan issue face more complicated international factors.

The beginning of the 21st century will be a critical period for resolving the Taiwan issue. Grasping the development and changes of the Taiwan issue from the perspective of international relations is of great significance to China's national reunification. Under the conditions that the Taiwan issue has become a regional hot spot and the current Taiwan-related international environment has undergone profound changes, conduct a strategic review of the Taiwan issue and its future evolution, analyze the various international factors affecting the Taiwan issue, the reasons why international factors

intervene in the Taiwan issue, and The harm it caused, and the countermeasures that should be taken against these international factors.

The occurrence of the Taiwan issue is inseparable from the intervention of the United States. After the liberation stage of the Chinese Civil war was basically over, some of the Kuomintang military and political personnel were defeated from the mainland to Taiwan. When the Chinese People's Liberation Army was about to send its troops south to liberate Taiwan, the Korean war broke out and the United States immediately sent troops to intervene. US President Truman ordered the US Seventh Fleet to enter the Taiwan Strait to «stop any attack on Taiwan» and at the same time proposed «*The decision of Taiwan's future status must wait for the restoration of Pacific security, the signing of the Japanese peace treaty or the consideration of joint factors*». In the context of the Cold war between the East and the West, Taiwan has quickly become a part of the US line of defense against «communist forces» in the Western Pacific. The basic goal of the US policy toward Taiwan is to «separate the island from the mainland». The effort to return Taiwan has never given up.

In the late 1960s and early 1970s, as the international situation changed, the United States began to adjust its China policy, and the relationship between the two countries began to thaw. On January 1, 1979, China and the United States formally established diplomatic relations. The United States stated that it had no intention of pursuing the «Two-China» and «one China, one Taiwan» policies. The United States terminated the US-Taiwan «Mutual Defense Treaty» signed in 1954. It seems that the US factor in the Taiwan issue no longer exists. However, after the establishment of diplomatic relations, the United States still pursues the «two China» policy for a long time, and the Taiwan issue in Sino-US relations has not yet ended. From the 1960s, the United States did everything it could to preserve Taiwan's seat in the United Nations. Even after it signed the Shanghai Communique with China in 1972, it waited another six or seven years before «severing diplomatic relations» with Taiwan and recognizing the People's Republic of China after the mutual Defense Treaty expired. It can be said that the establishment of diplomatic relations between the United States and China was caused by domestic and international situations and had to be done.

On January 1, 1979, the «Taiwan Relations Act» was enacted [4]. Although Sino-US relations are moving towards friendship, the idea of maintaining the «isolation» between the mainland and Taiwan to ensure the strategic interests of the United States has continued. There are many reasons. For example, to promote the implementation of US. The most important thing about the future well-being is the traditional long-term

strategic consideration from Perry to MacArthur, so the «Taiwan Relations Act». The «Taiwan Relations Act» treats Taiwan as an «independent political entity», compares Taiwan with a sovereign state, and assumes the obligation to maintain Taiwan's «security». The United States is the only country in the world that has passed a bill to make a commitment to Taiwan's security. The «Taiwan Relations Act» clearly states that the establishment of diplomatic relations with the People's Republic of China is based on the expectation that Taiwan's future will be determined peacefully, and the United States will be seriously concerned about any practices that determine its future in other than peaceful ways. The Act also states that the United States has the intention to provide Taiwan with defensive weapons and to maintain its capability to resist anyone who, by force or other means of coercion, endangers the security or social or economic system of the Taiwan people. This provides a «legal basis» for the Continued involvement of the United States government in the Taiwan question.

The United States has always regarded Taiwan as a political entity, and in fact has a tendency to regard Taiwan as a «country». It has pursued the diplomatic strategy of developing relations with China and Taiwan at the same time, and even included Taiwan in the sphere of influence protected by the United States. Over the next 20 years, the US government did not seriously implement the relevant provisions of Three Joint Communiqués.¹ Especially after the drastic changes in Eastern Europe in the late 1980s and early 1990s, the disintegration of the Soviet Union, and the end of the Cold war, the balance of US policy toward China began to tilt significantly to the other side of the Taiwan Strait. Before and after the election in Taiwan in 2000, the United States went out of its way to publicly reaffirm its commitment to Taiwan's security and provide Taiwan with «political defense». American officials emphasize that «one China» actually contains a lot of connotations, thus making «one China» empty. The Taiwan issue has become the biggest external obstacle to China-US relations [4].

The status quo of the US-Taiwan «Bilateral Free Trade Agreement» (FTA)

During the Barack Obama administration (2009 – 2017), the United States used Taiwan as a bait to include Taiwan in the framework of the Trans-Pacific Partnership (TPP) as soon as possible to urge Taiwan to further

¹ Joint Communiqué between the People's Republic of China and the United States of America on the Establishment of Diplomatic Relations // Embassy of Chinese Peoples Republic in the United States of America. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceus/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705074.htm> (accessed: 11.11.2020).

open its market to the United States [1]. After Trump took office, he immediately signed the US withdrawal from the TPP document. From now on, the Trump administration will shift its interest in signing Free Trade Agreement (FTA) between the United States and Taiwan. Some US politicians and experts believe that the FTA signed by the US and Taiwan only involves bilateral economic and trade relations and does not violate the US «one China» policy. In June 2010 Alan Romberg, a fellow at America's Stimson Centre, argued that Taiwan should «artfully avoid the implication of sovereignty» when negotiating free-trade agreements with other countries, or China would surely press against it. Taiwan has the opportunity to sign free trade agreements with other countries as long as it does not involve sovereignty issues.¹

In the future, the US government is likely to look for an appropriate time to start negotiations on the US-Taiwan free trade agreement and make the signing of this agreement one of its policy goals towards Taiwan. As the US-Taiwan FTA will involve the «one China» principle, there is a certain sensitivity and complexity. Without prior cross-strait negotiations, China will be worried about the US-Taiwan FTA. For the FTA between Taiwan and the United States, at least half of the US Senate members believe that it is time. They sent a joint letter to Bob Lighthizer, the US Trade Representative, asking him to start negotiations. Cross-strait acceptance of free trade agreements is higher, partly because of Taiwan's growing concerns about China, and also because Taiwan is increasingly aware that if it does not strengthen international ties, Taiwan's economy may be at risk. In fact, if it is excluded from trade agreements, Taiwan may lose its competitiveness, because Taiwan is not a member of Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Taiwan's participation in regional or bilateral trade agreements can easily be blocked by mainland China, and Taiwanese companies need an international trade portal. Currently, about half of Taiwan's trade is with China or Hong Kong, and 80% of its investment is the same, and economic activities are too concentrated. The Taiwan authorities believe that the United States can provide an alternative path in this regard.

From the perspective of the United States, signing a free trade agreement with Taiwan will also bring moderate economic benefits. However, no negotiations are currently underway or planned. First of all, the United States has a contradictory attitude towards trade liberalization. Bob Lighthizer, director of the Office of the United States Trade Representative, clearly criticized the free trade agreement. As far as Taiwan is concerned,

¹ *Romberg A.* Comment on the Cross-Strait Economic Agreement // Stimson. 30.06.2010. URL: <https://www.stimson.org/2010/alan-d-romberg-comments-ecfa-cross-strait-economic-agreement/> (accessed: 11.11.2020).

there are also some voters in Taiwan who are sensitive to additional competition, and most importantly, they are pressured by the Beijing authorities. If the United States uses free trade agreements as part of its China policy or Taiwan as a bargaining chip, it would be a mistake, and Taiwan has reasons to remain vigilant.

In principle, only sovereign states enjoy full contracting rights.¹ However, this does not mean that non-sovereign entities have no right to contract [3]. On the contrary, international practice has shown that non-sovereign entities have the right to conclude contracts within a certain range in accordance with the provisions of treaties, customary laws, or domestic constitutions. Therefore, the Taiwan region has no right to sign FTAs. On the other hand, as long as it is a country that has diplomatic relations with China. No matter whether it is a World Trade Organization (WTO) member or not, it is impossible to sign an FTA with Taiwan. Otherwise, they will violate their international obligation not to establish any form of official relations with Taiwan and conduct official exchanges. In fact, in the joint communiqués and joint statements between China and other countries, one can often see words like this: such and such country X «reaffirms that it will not establish any form of official relations or conduct official exchanges with Taiwan». Practice shows that the countries that have established diplomatic relations with China strictly abide by this international obligation and have not signed an FTA with Taiwan. We have seen that apart from signing 4 FTAs with little economic value with 5 so-called «diplomatic countries», the Taiwan region has signed FTAs with other WTO members so far to no avail. It should be recognized that in the context of the continuous and rapid development of global regional economic integration, the need for Taiwan to join regional cooperation is becoming more and more urgent. For Taiwan to survive and develop, signing FTAs with trading partners is the way to go. Although Taiwan is currently unable to sign FTAs with foreign countries, this does not mean that Taiwan cannot obtain the ability to sign FTAs with other countries.

China's attitude towards Taiwan's signing of the FTA

At present, as far as the mainland is concerned, signing FTA and participating in regional economic integration are actions of sovereign states. As a «separate customs territory» of China, Taiwan has no right to negotiate and sign FTAs with other countries on its own. As far as mainland China is concerned, if there are no restrictions on Taiwan's signing of FTAs with other

¹ The provisions of the Vienna Convention on the Law of Treaties apply only to treaties concluded between States, but this does not affect the legal effect of treaties concluded between States and other non-sovereign entities or between non-sovereign entities.

countries, Taiwan will show its subjectivity in the international society, and it will cause «two Chinas» or «one China, one Taiwan». The phenomenon of «one Taiwan» is a great threat to «one China» [5]. If restrictions are imposed on Taiwan's signing of FTAs with other countries across the region, it is also not conducive to the continuous improvement and peaceful development of cross-strait relations. In order to take care of the interests of the people of Taiwan, a more feasible solution should be conditionally allowing Taiwan to negotiate and sign FTAs with foreign countries. For example, Taiwan and China will complete the signing of relevant agreements and establish free trade relations with China. This will form a cross-strait joint Market situation, on this basis, Taiwan and the mainland actively communicate and negotiate to participate in TPP negotiations and Asia-Pacific regional economic integration issues (rather than Taiwan unilaterally negotiating TPP issues with relevant countries). Under such a framework, the «one China» principle is not only upheld, but also the issue of Taiwan's foreign negotiations and signing of FTA can be resolved pragmatically and steadily under the framework of the peaceful development of cross-strait relations.

Conclusion

The predicament of the tripartite relationship between the United States, Taiwan and China is that the Taiwan authorities are under pressure from Beijing and want to realize «de jure Taiwan independence» requires the support of the United States in the international space. However, based on international principles, Taiwan is always worried about being abandoned by the United States, but the United States is also worried about Taiwan. Blindly engaging in «de jure Taiwan independence» could provoke a serious conflict between China and the United States, which is not in the US national interests. Therefore, the United States suppresses Taiwan on the one hand to prevent Taiwan from engaging in «de jure Taiwan independence», and on the other hand it suppresses the mainland to prevent the mainland from reunifying by force. The US government will also use Taiwan to restrict China. Based on political mutual trust, mainland China's attitude towards signing an FTA with Taiwan based on the principle of cross-strait relations is generally repressive.

However, if Taiwan's Tsai Ing-wen authorities recognize the «1992 Consensus» and actively promote the relaxation of cross-strait relations, mainland China will sign FTAs in Taiwan and other regions. Attitude will remain no objection. Today, the Taiwan issue has been continuously elevated to an international issue by the Taiwan authorities. It is heavily influenced by international factors, especially the United States. The signing of the FTA

between Taiwan and the United States will also directly affect mainland China's attitude choices in Sino-US relations. The international status of the United States is well known. China's rapid development and its responsible role in the international system are in the interests of the United States and other countries. To a certain extent, China's international status is also threatening the US attitude and actions towards Taiwan. Taiwan's strategic position is in line with the United States' strategic interests in the Indo-Pacific, but Taiwan's geographic location and relationship with mainland China cannot allow it to stand in the US interest chain. The signing of the FTA between Taiwan and the United States will also become a major hidden danger in the Sino-US game.

References

- [1] *Лексютина Я.В.* Актуальные проблемы американо-китайских отношений. Учебно-методическое пособие. СПб., 2011.
- [2] *Лексютина Я.В.* Проблема Тайваня во внешней политике США. Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- [3] *Browley I.* Principles of Public International Law. 2007. 536 p.
- [4] Taiwan Relations Act // Public Law 96-8-96th Congress. 1979.
- [5] *Leksyutina Y.* US-China Rivalry as a Source of Instability in East Asia in the 21st Century // Aspects of contemporary Asia. Security and Economy / (Eds.) Marszalek-Kawa J. Torun. 2015. P. 44-68.

© Liang F., 2020

**ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И
СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**PUBLIC DIPLOMACY AND STRATEGIES
OF FOREIGN POLICY
IN THE MODERN WORLD**

Публичная дипломатия России в отношении Абхазии: фактор грузино-абхазского конфликта

Public Diplomacy of Russia in relation to Abkhazia:
factor of the Georgia-Abkhaz conflict

Ирина А. Гнедаш

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Irina A. Gnedash

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Никита С. Иванов

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Nikita S. Ivanov

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Конфликт Грузии с Республикой Абхазия является источником постоянной напряженности в регионе с начала 1990-х годов. Он привел к региональной конфронтации и геополитической конкуренции за влияние на Южном Кавказе между Россией и Грузией. Публичная дипломатия может внести существенный вклад в разрешение данного конфликта, учитывая ее мандат на проведение диалога, на преодоление устоявшихся негативных представлений и нарративов. Публичная дипломатия особенно актуальна в условиях затяжных конфликтов, усугубляемых атмосферой глубокого взаимного недоверия и антагонизма. Она может способствовать обмену конструктивным опытом, способна поддерживать определенную степень предсказуемости в отношениях и, в идеале, может привести к созданию благоприятных условий для окончательного урегулирования. В статье рассматривается публичная дипломатия России в отношении Абхазии, и, в частности, применяемые российской стороной инструменты «мягкой силы».

Abstract. Georgia's protracted conflict with Abkhazia has been a source of intermittent tension since it first erupted in the early 1990s, leading to regional confrontation between Georgia and Russia and even geopolitical competition for influence in the South Caucasus. Public diplomacy can make a significant contribution to conflict resolution given its mandate to facilitate dialogue, overcome misconceptions and overcome narratives. Public diplomacy is especially relevant in situations of low intensity, protracted conflicts, defined by a history of antagonism and mistrust, where it can develop measures that facilitate the exchange of experiences and narratives, maintain interaction and a certain degree of predictability in relationships and, ideally, lead to a gradual transformation of hostile relations. The article examines public diplomacy and soft power strategies used by Russia in relation to Abkhazia.

Ключевые слова: публичная дипломатия, конфликт, «мягкая сила», Россия, Абхазия, Грузия.

Keywords: public diplomacy, conflict, soft power, Russia, Georgia, Abkhazia.

Введение

В настоящее время внешнеполитические отношения частично признанной Республики Абхазия в полноценном объеме ведутся исключительно с Российской Федерацией. Лишь еще несколько государств признали независимость республики, в основном из чувства солидарности с Россией. Поддержка народа Абхазии со стороны России тесно связана с попытками Грузии проводить все последние десятилетия открытую антироссийскую политику. Эта политика впервые проявилась во время грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов в начале 1990-х годов, в период нахождения у власти националистического и решительно антироссийского руководства в Тбилиси. После непродолжительного периода сближения антироссийский курс снова возобладал после 1999 года, когда Грузия объявила о своем намерении стать членом Североатлантического Альянса (НАТО). Определяющим стал 2004 год, когда Михаил Саакашвили и его команда, пришедшие к власти после так называемой «Революции роз», продемонстрировали готовность бросить вызов Москве и приступить к реализации программы по «реинтеграции» страны, прочно закрепив при этом ориентацию Грузии на Запад [5].

Чем больше Россия демонстрировала свое недовольство международным позиционированием Грузии и свою готовность встать на сторону абхазского народа, тем больше Абхазия обращалась к России за помощью и поддержкой. Россия стала поощрять тенденцию к самоопределению и независимости народа Абхазии, используя свое лидирующее положение в процессах по урегулированию конфликтов и свою роль в качестве основной миротворческой силы в регионе. Важную роль сыграла в этом российская публичная дипломатия.

Широкомасштабное наступление публичной дипломатии началось в апреле 2008 года, когда Россия существенно модернизировала свои официальные отношения с Абхазией.

Президент Владимир Путин поручил тогда Правительству Российской Федерации «взаимодействовать с фактическими органами власти в Абхазии и Южной Осетии, включая организацию сотрудничества в торгово-экономической, социальной и научно-технической областях, а также в сферах информации, культуры и образования, особенно с привлечением регионов России». В. В. Путин особо подчеркнул «социально-экономические цели», которые он противопоставил целям тех стран, которые признали независимость

Косово.¹ Этот шаг и окружающая его риторика указывали на то, что публичная дипломатия станет одним из основных инструментов поддержки независимости Абхазии со стороны России.

Паспортизация и другие инструменты публичной дипломатии России в отношении Абхазии

Политика паспортизации, возможно, является фирменным нововведением России в сфере публичной дипломатии, которое позволило ей завоевать расположение населения новых государственных образований, возникших вокруг российских границ. Эта политика является продолжением гуманитарной помощи России как отдельного направления публичной дипломатии, призванного помочь соотечественникам за рубежом. К категории соотечественников российская сторона относит всех тех, кто признает свою этническую, языковую, культурную и духовную связь с Россией, которая является правопреемницей Советского Союза, кто рассматривает Россию в качестве приоритета для внешней политики своих стран в целях развития близких экономических, образовательных, культурных и межличностных связей [1]. Принятие в 2002 году Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» дало возможность бывшим советским гражданам получить российское гражданство по упрощенной процедуре. Массовая выдача российских паспортов побудила жителей Абхазии и Южной Осетии, а также других беспокойных регионов постсоветского пространства стать гражданами России [2].

Российский паспорт действительно дает большие преимущества. Так, абхазским студентам он облегчает поступление в высшие учебные заведения России. Владельцы российских паспортов могут участвовать в политической жизни России, в том числе голосовать на российских выборах [4]. Политика паспортизации сблизила абхазов и Россию через прочные правовые, политические, экономические и социальные связи. Следует признать, что без российских паспортов население Абхазии оставалось бы полностью изолированным от внешнего мира. Как бы ни были ограничены международные поездки и контакты для абхазской стороны, они возможны только благодаря тому, что российские паспорта стали доступны для жителей Абхазии с 2002 года.

¹ Поручение Президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации в отношении Абхазии и Южной Осетии. Министерство иностранных дел Российской Федерации, пресс-релиз. 16 апреля 2008 г. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/342137 (дата обращения: 09.11.2020).

Анализ Независимой миссии по установлению фактов войны в Грузии в 2008 году показал, что предоставление российского гражданства лишило Грузию возможности осуществлять свою юрисдикцию в отношении большого числа собственных граждан. Однако, именно политика паспортизации позволила России заявить о своем обязательстве выступить в защиту своих граждан в августе 2008 года, что, таким образом, обеспечило защиту народов Абхазии и Южной Осетии от начавшейся агрессии.¹

Россия активно развивает культурные связи в Абхазии. Например, в России действует система образовательного обмена, предусматривающая квоту государственных стипендий для абхазских студентов для получения высшего образования в Российской Федерации. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) открыло свой офис в Сухуме и организует обширную программу культурных, научных и образовательных мероприятий и инициатив. В задачи Россотрудничества входят продвижение изучения русского языка, образовательный и культурный обмен и научное сотрудничество, а также налаживание связей с молодыми лидерами и российскими соотечественниками за рубежом. Цель организации — способствовать интеграционным процессам в рамках СНГ и содействовать продвижению положительного образа России в странах ближнего и дальнего зарубежья. В апреле 2011 года во время визита в Абхазию министр иностранных дел России Сергей Лавров подписал ряд межправительственных соглашений, в том числе Соглашение о создании Российского центра науки и культуры в Сухуме под эгидой Россотрудничества.²

Культурное и информационное влияние России подкрепляется также преобладающей ролью русского языка как доминирующего в общественной и частной жизни Абхазии. Фактически, по некоторым оценкам, до одной трети абхазов не могут говорить на абхазском даже на базовом уровне, и еще меньшее количество может читать или писать на нем.³ Кандидаты в президенты Абхазии, чтобы иметь право баллотироваться, должны пройти обязательный тест на абхазском языке.

¹ Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева в связи с ситуацией в Южной Осетии. 08.08.2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1222> (дата обращения: 09.11.2020).

² Официальный сайт Российского центра науки и культуры в Сухуме. URL: <https://abh.rs.gov.ru/ru/activities> (дата обращения: 09.11.2020).

³ *Whitmore B.* Half-Abkhaz, Half-Georgian: One Woman Fights to Preserve Ethnic Heritage // Radio Free Europe / Radio Liberty. 25.06.2009. URL:

Общество Абхазии также хорошо интегрировано и в российское медиапространство. Широко доступны российское телевидение и газеты. На Абхазию вещают все основные российские телеканалы, хотя программы «Euronews» и «National Geographic» также доступны на негосударственном абхазском телеканале «Абаза-ТВ». Доступ к грузинскому телевидению, кроме спутникового, в Абхазии ограничен или отсутствует вообще, за исключением населенного грузинами Гальского района [8, с. 13]. На информационном и культурном уровнях практически нет участия каких-либо других международных игроков, кроме России.

Образ России в Абхазии

Неудивительно, что на фоне культурного влияния большинство абхазов чувствуют глубокую связь с Россией, подкрепленную ее ролью в качестве гаранта безопасности и главного экономического партнера. Присутствие России в сфере защиты и безопасности однозначно приветствуется населением. В Абхазии многие выражают удовлетворение нынешними договоренностями, говоря, что Россия впервые за много лет позволила местным жителям почувствовать себя в безопасности. Абхазские элиты рассматривают защиту России как возможность избежать острую конфронтацию с Грузией и направить ресурсы на государственное строительство.¹

В целом, озабоченность в абхазском обществе угрозой со стороны Грузии значительно снизилась. Поддержка реинтеграции с Грузией практически отсутствует – о ней говорят только этнические грузины, проживающие в Абхазии. Грузия не фигурирует в общественном дискурсе Абхазии, и в основном рассматривается как проблема из прошлого. Эта потеря актуальности влияет на мотивацию к восстановлению отношений с Грузией и к выработке более широкого подхода к окончательному урегулированию грузино-абхазского конфликта.

Тем не менее, есть и некоторая озабоченность по поводу подавляющего присутствия России. Растущее экономическое и политическое влияние России является центральным вопросом общественно-политической жизни Абхазии. Абхазы привержены идее

https://www.rferl.org/a/HalfAbkhaz_HalfGeorgian_One_Woman_Fights_To_Preserve_Ethnic_Heritage/1760884.html (дата обращения: 09.11.2020).

¹ *Schwartz M.* In Russia's Shadow, Abkhazia Elects President // New York Times. 27.08.2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/08/28/world/europe/28abkhaz.html> (дата обращения: 09.11.2020); *Schwartz M.* A Not-Quite Nation Happy in Russia's Embrace, but Wanting a Little Wiggle Room // New York Times. 26.08.2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/08/26/world/europe/26abkhazia.html> (дата обращения: 09.11.2020).

собственного независимого государства и выражают озабоченность по поводу того, что их «проглотит» Россия.¹ Соглашения о реконструкции Абхазской железной дороги и Сухумского аэропорта, о разведке нефтяных месторождений на шельфе Черного моря вызвали критику и протест оппозиции по поводу передачи России важных государственных функций и ресурсов. Объявленные в начале 2010 года планы абхазского правительства разрешить гражданам России покупать недвижимость в республике вызвали недовольство населения и в итоге так и не были материализованы. Абхазское руководство предпринимало в прошлом некоторые усилия по проведению многовекторной внешней политики, которая была бы в равной мере ориентирована на Россию, Европейский Союз и Турцию, которая является «домом» для многочисленной абхазской диаспоры. Эта политика предполагала, в частности, активное расширение контактов с европейскими странами.²

Заключение

Публичная дипломатия работает на уровне взаимодействия между людьми и, таким образом, нацелена на более широкий процесс урегулирования конфликта без предварительных политических условий. Это создает прочную основу для укрепления доверия и диалога. Растущий интерес к роли публичной дипломатии в международных отношениях и ее значимость для целого ряда затяжных региональных и локальных конфликтов должны стимулировать более широкую дискуссию о параметрах стратегий «вовлечения и непризнания». Политические дебаты несомненно бы выиграли от более формализованных определений того, что подразумевает под собой деполитизированное участие, что такое признание и как расширить пространство для оперативного нейтралитета.

В то же время примеры региональных конфликтов демонстрируют и определенные трудности в сохранении подлинной деполитизации и сбалансированности публичной дипломатии. Стороны конфликта, как правило, склонны использовать взаимодействие для получения символических или же вполне конкретных политических дивидендов.

Публичная дипломатия — важный путь трансформации конфликта к примирению и мирному сосуществованию, но к этому

¹ *Whitmore B.* Abkhazia and the perils of independence // Radio FE/RL. 19.06.2009. URL: https://www.rferl.org/a/Abkhazia_The_Perils_Of_Independence/1758008 (дата обращения: 09.11.2020).

² *Khintba I.* The EU and the Conflicts in the Eastern Neighborhood: The Case of Abkhazia. Apsnypress. 26.10.2010. URL: <https://abkhazworld.com/aw/conflict/685-eu-and-conflicts-the-case-of-abkhazia-khintba> (дата обращения: 09.11.2020).

инструменту следует относиться реалистично. Нельзя ожидать, что постепенный подход к созданию атмосферы доверия незамедлительно повлияет на текущие краткосрочные процессы, будь то политические переговоры или какие-либо политические уступки. Публичная дипломатия сама по себе должна быть основой для дальнейшего диалога, иначе она рискует стать заложником политических разногласий и непримиримости сторон.

Список литературы

- [1] Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г.
- [2] Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».
- [3] Abkhazia: Deepening Dependence // International Crisis Group. Europe Report. № 202. 2010. 22 p.
- [4] *Closson S., Markedonov S., Gegeshidze A., Chirikba V.* Russia and the «Frozen Conflicts» of Georgia // Russian Analytical Digest. 2008. № 40.17 p.
- [5] Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia // Analytical Report. 2009. 702 p.

© Гнедаш И.А., Иванов Н.С., 2020

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_52

**Датафикация в международных отношениях:
дискурс о новых тенденциях цифровой дипломатии**

**Datalization in International Relations:
Discourse on New Trends of Digital Diplomacy**

Никита М. Кузнецов

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Nikita M. Kuznetsov

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Цифровая дипломатия как форма воздействия государства на зарубежную аудиторию посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) прошла два этапа в своем развитии, меняя концептуальный фундамент (от «мягкой силы» к «острой силе»), подходы (от продвижения позитивного имиджа государства до распространения в мировой сети Интернет негативной информации о странах-соперниках) и методы влияния (от диалога к формированию идеологически противоположной повестки дня).

При этом экспертами констатируется вступление цифровой дипломатии в третий этап развития. В центре их исследований находятся концепция «датафикации» (процесс по сбору и анализу цифровых данных для последующего задействования в различных целях) и новый феномен мировой политики «Data Diplomacy» («дипломатия данных», «дата-дипломатия»). Так, по состоянию на 2020 год, анализ цифровых данных, характеризующих зарубежную аудиторию, и использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) стали лидирующими направлениями во внешней политике ведущих государств мира.

Цель данной статьи – рассмотреть формы современной цифровой дипломатии, а также проанализировать существующий дискурс вокруг перспектив ее дальнейшего развития. Автор констатирует необратимое влияние датафикации на внешнеполитическую активность современных государств. Следствием данного воздействия стало появление и развитие так называемой «дата-дипломатии» как обособленного направления внешней политики. Отдельного внимания при этом заслуживает такое явление, как «дипломатия ради данных», которая, по нашему мнению, имеет все шансы стать негласным девизом современных международных отношений.

Abstract. Digital diplomacy as a form of state influence on a foreign audience through information and communication technologies has gone through two stages of its development, changing the conceptual foundation (from «soft power» to «sharp power»), approaches (from the spread of a positive image of the state to the spread of negative posts about foreign countries) and methods of influence (from dialogue to the creation of an ideologically opposite agenda).

At the same time, experts speak about the digital diplomacy's third stage of development. Their research focus on the concept of «datalization» (the process of collecting and analyzing digital data for subsequent use for various purposes) and the new phenomenon of world politics Data Diplomacy. In 2020, the analysis of

digital data of foreign audiences and the use of artificial intelligence, technologies have become the leading directions in the foreign policy of leading states.

The purpose of this article is to consider the forms of modern digital diplomacy, as well as to analyze the existing discourse around its further development. The author states the irreversible influence of datalization on the foreign policy activity of modern states. The consequence of this impact was the development of data diplomacy as a separate direction of digital diplomacy and a new phenomenon of world politics. At the same time, special attention should be paid to such a dogma as «diplomacy for data» which can become the unspoken motto of modern international relations.

Ключевые слова: датафикация, дипломатия данных, дата-дипломатия, анализ цифровых данных, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, «большие данные», «малые данные», «мягкая сила», «острая сила», внешняя политика, международные отношения, Россия, США, Китай.

Keywords: datalization, data diplomacy, data analysis, digital diplomacy, public diplomacy, big data, small data, soft power, sharp power, foreign policy, international relations, Russia, USA, China.

Введение

Цифровая дипломатия – это составная часть публичной дипломатии государств, подразумевающая влияние на зарубежную аудиторию посредством социальных сетей и иных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Начало использования данного инструмента публичной дипломатии было положено в Соединенных Штатах Америки в 2009 – 2011 гг. и именуется экспертами «цифровым наследием» президента Барака Обамы [7]. Параллельно с США развитием цифровой дипломатии занялись государственные структуры России, Франции, Германии, Китая, Ирана и многих других стран.

За десять лет непрерывного развития цифровая дипломатия сумела заявить о себе как об одном из наиболее перспективных направлений внешней политики. Стратегии, технологии и инструменты цифровой дипломатии позволяют экспертам называть ее ключевым методом государственной политики по привлечению зарубежной аудитории.

За период 2009 – 2017 гг. цифровая дипломатия прошла два этапа развития, разных по методологическим и концептуальным характеристикам [5, с. 29]. С 2018 г. цифровая дипломатия вступила в новый этап развития, когда искусственный интеллект (ИИ) и методы обработки цифровых данных стали неотъемлемой частью внешней политики ведущих мировых государств. Новые тенденции в развитии цифровой дипломатии можно объяснить растущим влиянием концепции «датафикации» – процесса устойчивого фиксирования цифровых данных интернет-пользователей, позволяющего осуществлять их качественный и

количественный анализ для реализации тех или иных целей в самых различных сферах (экономика, политика, культура, международные отношения).

Цель данного исследования – актуализировать данные о целях и методах цифровой дипломатии, а также проанализировать существующий дискурс относительно ее дальнейшего развития в эпоху датафикации. Для реализации указанной цели необходимо рассмотреть этапы развития цифровой дипломатии, обратиться к работам зарубежных и отечественных экспертов, а также к текстам официальных правительственных документов стран, являющихся мировыми лидерами в данной области.

Статья опирается на теории реализма и конструктивизма. Реализм позволяет понять цели цифровой дипломатии, исходя из национальных интересов государства, а теория конструктивизма объясняет поведение акторов с точки зрения продвижения или защиты ценностей, идей или идентичности. Методологическую базу исследования составляет дискурс-анализ академических и публицистических материалов зарубежных экспертов. Он позволяет выявить мнения экспертного сообщества в отношении целей и перспектив развития цифровой дипломатии.

Этапы развития цифровой дипломатии (2009 – 2017 гг.)

Первый этап развития цифровой дипломатии пришелся на 2009 – 2012 гг., когда внешняя политика большинства государств опиралась на концепцию «soft power» («мягкая сила») известного теоретика власти Джозефа Ная, описавшего это понятие как способность формировать симпатии и привлекать на свою сторону целевую аудиторию с помощью убеждения и диалога. Тогда еще не существовало идей о стратегиях цифровой дипломатии или информационном сдерживании других государств. Многие эксперты связывают развитие цифровой дипломатии в тот период с таким явлением, как «*Twiplomacy*» («твиттер-дипломатия») [11]. Именно в те годы государства приступили к созданию своих официальных аккаунтов на платформах «Facebook», «Twitter», «YouTube» и других сервисов. Социальные сети стали основной площадкой для реализации публичной дипломатии. Первые лица государств, дипломаты, чиновники, посольства, консульства, министерства, средства массовой информации, некоммерческие организации, а также образовательные и культурные учреждения и проекты стали обзаводиться собственными блогами и учетными профилями в социальных сетях.

Основной задачей цифровой дипломатии тех лет было улучшение имиджа страны, а также реализация внешнеполитических интересов государства посредством диалога с зарубежной аудиторией в социальных сетях, блогах и мессенджерах.

Именно тогда была впервые изменена целевая аудитория *традиционной публичной дипломатии*. Стал очевидным тот факт, что для реализации внешнеполитических интересов гораздо эффективнее привлекать молодых активистов, блогеров и диссидентов, чем политический истеблишмент. Правительствами многих стран началось активное вовлечение зарубежной аудитории в свою информационную повестку дня, происходила мобилизация молодежи для обсуждения острых политических вопросов. Так, например, главной задачей цифровой дипломатии Ирана стало противостояние американским и европейским информационным потокам, борьба с иранофобией в глобальном масштабе и формирование имиджа страны как региональной державы [12, с. 220]. Стратегической миссией России стало создание информационных потоков для популяризации своей политики и своего взгляда на проблемы международных отношений. Активная роль в данном вопросе была отведена цифровой активности не только официальных лиц и ведомств, но и международных СМИ, таких как «Russia Today» и «Sputnik» [13, с. 449]. А кульминацией американской политики «мягкой силы» стали так называемые «*твиттер-революции*» – массовые протесты, организованные США посредством социальных сетей и закончившиеся сменой государственной власти в ряде арабских и постсоветских стран [11].

Стоит отметить, что цели и методы «мягкой силы» до сих пор актуальны в таких вопросах, как улучшение государственного имиджа, реализация культурной дипломатии и т. д. Однако растущий уровень внешнеполитической пропаганды, гражданские войны и «твиттер-революции» заставили государства отказаться от первостепенного значения «мягкой силы» во внешней политике.

Второй этап развития цифровой дипломатии пришелся на 2013 – 2017 гг., когда методологические и идеологические аспекты цифровой дипломатии большинства государств пережили коренные изменения. В экспертных кругах стали доминировать идеи о том, что в период, когда внешнеполитическая пропаганда и инструменты вовлечения зарубежной аудитории стали мировым трендом, нет смысла заниматься долгосрочными проектами по распространению своих ценностей и другими аспектами «мягкой силы». Использование краткосрочной пропаганды или, как ее обозначали в официальных документах США, *стратегической коммуникации* для быстрого воздействия на зарубежную аудиторию и информационного противостояния

стратегическим противникам (в случае США – России, Китаю и Ирану) существенно изменило цифровую дипломатию в глобальном масштабе. Превращение данной стратегии в «мировой тренд» связывают с президентскими выборами в США 2016 г., когда американские официальные лица обвинили Россию и Китай в осуществлении целенаправленной цифровой дипломатии, якобы повлиявшей на исход выборов [3, с. 100]. «Интернет-троллинг» в виде постов с критикой образа жизни населения и освещением негативных черт общественного развития, продвижение соответствующих хештегов, демонстрация слабости политической системы и ее лидеров, фейковые новости и кибератаки на государственные базы данных являются классическими инструментами данной стратегии. Такую государственную политику Дж. Най окрестил термином «*sharp power*» («острая сила») и заявил, что цифровая дипломатия уже не сможет развиваться без использования подобных методов воздействия на зарубежную аудиторию.¹

Главные цели «острой силы» – вмешательство во внутренние политические процессы зарубежной страны, нарушение стабильности и создание угрозы ее национальной безопасности [4, с. 22].

Цифровая дипломатия ведущих государств стала сочетать в себе две стратегии. «Мягкая сила» продолжает использоваться в качестве инструмента вовлечения зарубежной аудитории в свою повестку дня, для мобилизации активных интернет-пользователей и улучшения национального имиджа [3, с. 109]. «Острая сила», напротив, стала инструментом дестабилизации зарубежного общества, способом влияния на внутриполитические процессы и определенной формой пропаганды, направленной на подрыв внутренней стабильности «страны-мишени». Отмечается, что подобные методы ведения информационных войн стали тенденцией и «трендами 2010-х» [6, с. 45].

В середине 2010-х произошла популяризация концепции датафикации.² Правительства ведущих стран стали задействовать методы по обработке больших массивов информации о зарубежных интернет-пользователях. Это объяснялось их желанием бороться с вражеской «острой силой» и улучшать эффективность собственных проектов «мягкой силы». Данные потребности стали основой для «третьего этапа» цифровой дипломатии.

¹ Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs. 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 25.10.2020).

² A World that Counts. Mobilising the Data Revolution for Sustainable Development. 2014. URL: <https://www.undatarevolution.org/wp-content/uploads/2014/11/A-World-That-Counts.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).

«Data Diplomacy» как третий этап развития цифровой дипломатии (с 2018 г. по настоящее время)

Еще в 2015 г. на конгрессе Американской ассоциации содействия развитию науки профессором Рочестерского университета Тимоти Даем была озвучена мысль о неопределимой важности анализа цифровых данных интернет-пользователей для внешней политики государства. Подобную активность эксперт назвал «*Big Data Diplomacy*» («дипломатия больших данных») и подчеркнул, что дата-дипломатия – это «развивающийся феномен, объединяющий науку о данных (Data Science) с социологией и международными отношениями» [9, с. 19]. Именно дипломатия данных считается третьим, актуальным этапом развития цифровой дипломатии.

Основным инструментом дипломатии данных является *интеллектуальный анализ цифровых данных* (Data Mining) интернет-пользователей зарубежных государств. В международных отношениях это понятие может интерпретироваться как процесс обнаружения в интернет-данных скрытых закономерностей, а также ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных знаний, необходимых для принятия решений во внешнеполитической деятельности. Государствам необходимо адаптироваться к новым реалиям международных отношений, когда информационное противостояние между странами стало неотъемлемой частью мировой политики.

Эксперты выделяют две *основные цели* государственной дата-дипломатии.

Первая цель – это определение целевой аудитории проектов публичной дипломатии через мониторинг активности зарубежных интернет-пользователей. Еще в 2010 г. Дэниел Зенг и его коллеги из Университета штата Аризона заявили об особой роли анализа пользовательской активности в социальных сетях для реализации проектов цифровой дипломатии. Авторы подчеркнули, что социальные сети стали источником общедоступной «полезной информации», которую необходимо использовать для достижения внешнеполитических целей [14]. Анализ данных позволяет государству определять психологический портрет своей целевой аудитории, узнавать о ее потребностях и проблемах, создавать «идеальные сообщения» для вовлечения зарубежных пользователей в свою повестку дня [7].

Вторая цель – это сохранение влияния в социальных сетях и борьба с пропагандой стратегических противников посредством контент-анализа цифровых данных, задействования чат-ботов (программ, имитирующих реальный диалог с пользователями и распространяющих информацию автоматически) и т. д. Например, подобные технологии применяются для

подготовки моментальных и эффективных постов, «контрмесседжей» против дезинформаторов, убедительных ответов на комментарии пользователей, а также при поиске источников фейковой информации и разоблачении «интернет-троллей» [6, с. 39].

Отмечаются и иные возможности реализации дипломатии данных. Среди них – гуманитарное межгосударственное сотрудничество, а также упрощение дипломатической и консульской службы.¹

При этом, когда речь идет о сборе и анализе цифровых данных, стоит отметить существование двух категорий компьютерного софта, а именно «больших данных» (Big Data) и «малых данных» (Small Data).

«Большие данные» являются непрерывно увеличивающимися потоками цифровой информации либо представляют собой полные, исчерпывающие сведения об объекте. Отмечается, что к категории «Big Data» может относиться выборка цифровых данных при условии, что ее абсолютная репрезентативность не может быть подвергнута сомнению [2, с. 33].

«Малые данные» могут быть описаны как ограниченный, минимальный объем информации об объекте, отобранный из «Big Data».

Например, анализ «Big Data» сирийского сегмента социальной сети «Twitter» (34 млн. твитов на английском и арабском языках) показал, что наибольшее информационное влияние на сирийских интернет-пользователей имеет Саудовская Аравия, а не США, Россия или Турция, как предполагалось многими экспертами [6, с. 43]. Другой анализ «больших данных» (9 млн. постов венесуэльских пользователей в социальной сети «Twitter») доказал тот факт, что цифровая политика действующего президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его сторонников по своей креативности и популярности несколько не уступала деятельности лидеров оппозиции, что напрямую сказалось на расстановке политических сил в стране [6, с. 44].

О роли анализа «Small Data» говорит генеральный директор консалтинговой компании «HSE» Роберт ван Лун. Как отмечает политтехнолог, в 2016 г. Дональд Трамп во время своей президентской избирательной кампании привлек специалистов аналитического центра «Cambridge Analytica» для выявления интересов своего электората. Анализ около 70 профилей среди подписчиков Д. Трампа в социальной сети «Twitter» помог специалистам составить психологический портрет типичного избирателя-республиканца (пол, национальность,

¹ *Ashbrock C. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy // International Politics and Society. 2020. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/global/article/show/from-digital-diplomacy-to-data-diplomacy-3993/> (дата обращения: 25.10.2020).*

политические предпочтения, проблемы). Результатом этого, считает автор, стало существенное увеличение полученных Трампом голосов.¹

В 2019 г. американскими политологами были выделены следующие основные категории дипломатии данных:

- (1) *Данные в дипломатии* (получаемые сведения способствуют развитию межгосударственных отношений на уровне традиционной дипломатии);
- (2) *Данные для дипломатии* (эксперты по данным из разных стран взаимодействуют друг с другом для создания площадок межгосударственного взаимодействия и сотрудничества);
- (3) *Дипломатия ради данных* (заинтересованные стороны – стейкхолдеры – работают ради получения, продвижения и использования на практике результатов анализа «больших данных»).

Таким образом, в эпоху информационного противостояния государств в социальных сетях и признания «острой силы» органичной частью мировой политики, «Data Diplomacy» может считаться ведущим направлением современной дипломатии [8]. Но в отличие от «мягкой силы» или «острой силы» дата-дипломатия не является стратегией государственного внешнеполитического воздействия.

Дата-дипломатия как третий этап развития цифровой дипломатии является ее обособленной частью, отдельным направлением внешней политики государства, отвечающим за анализ цифровых данных зарубежных интернет-пользователей ради повышения эффективности проектов внешнеполитической пропаганды, борьбы с информационным доминированием стран-оппонентов и реализации иных внешнеполитических задач.

Отдельно стоит отметить, что выделение экспертами такой категории как «дипломатия ради данных» и вовсе означает совершенно новое видение внешней политики, когда дипломатический процесс происходит не ради какого-то результата, а ради анализа эффективности данного результата.

¹ Loon R. How Does Big Data Change Diplomacy? // The State of Digital Diplomacy. 2016. URL: <https://www.sodd16.com/how-does-big-data-change-diplomacy-ronald-van-loon/> (дата обращения: 25.10.2020).

Феномен дипломатии данных в мировой политике

Предложенная Т. Даем концепция «дипломатии данных» довольно быстро привлекла внимание западных экспертов ввиду своей безукоризненной актуальности. В настоящее время интеллектуальный анализ цифровых данных зарубежной аудитории активно задействован во внешней политике США, России, Китая, Ирана, Бразилии и других стран. И учитывая заинтересованность большинства государств Северной и Южной Америки, Европы и Азии в развитии искусственного интеллекта, данная тенденция скоро примет мировой характер [7].

Например, в Соединенных Штатах обработкой цифровых данных зарубежных интернет-пользователей занимаются специалисты Центра глобального взаимодействия (Global Engagement Centre), созданного Государственным департаментом США для выработки стратегий американской цифровой дипломатии, борьбы с информационной политикой иностранных государств и поиска компаний-поставщиков компьютерного софта для осуществления контроля над информационным полем в социальных сетях [3, с. 104].

В России необходимость развития искусственного интеллекта и анализа больших данных неоднократно подчеркивалась лично Президентом Владимиром Путиным.¹ Руководство России видит огромный потенциал в этой области. В частности, алгоритмы по сбору и обработке «Big Data» уже используются такими крупными отечественными компаниями, как «Яндекс» и «Сбербанк». Также они применяются в системе оказания государственных услуг [1, с. 24]. Стоит отметить, что развитие дата-дипломатии России вызывает особую обеспокоенность у западных экспертов. Кроме убежденности в использовании Россией «острой силы» во время президентских выборов в США в 2016 г., американские официальные лица обвиняют Россию в сборе данных об американских интернет-пользователях. Например, в 2020 г. Министерство обороны США заявило о разоблачении целого ряда иностранных (в том числе и российских) «хакерских компаний», распространявших вредоносное программное обеспечение с целью сбора «Big Data» и «Small Data» в американском сегменте социальных сетей.² А менее чем за месяц до президентских выборов в США 2020 г.,

¹ В.В. Путин: Российская Федерация должна стать мировым центром обработки и хранения больших массивов информации // ТАСС. 01.03.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4998315> (дата обращения: 25.10.2020).

² Malware Analysis Report // U.S. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. 2020. URL: <https://us-cert.cisa.gov/ncas/analysis-reports/ar20-275a> (дата обращения: 25.10.2020).

американские спецслужбы обвинили Россию в краже данных об избирателях с целью «подрыва доверия к американской демократии».¹

Дата-дипломатия Китайской Народной Республики также вызывает сильную обеспокоенность, если не сказать истерию, у западных экспертов. Развитие дата-дипломатии является частью стратегии Китая по превращению страны в «мирового лидера» в области искусственного интеллекта. Значительные инвестиции в развитие ИИ заложены в пятилетний экономический план КНР на 2017 – 2022 гг. Их суммарный объем достигает 150 млрд. долларов. Эксперты полагают, что уже сейчас именно Китай является лидером в области развития дипломатии данных, благодаря щедрому финансированию индустрии ИИ и проводимой политике «цифрового колониализма» по сбору и анализу данных интернет-пользователей в ряде африканских и азиатских стран.² Кроме того, как считают исследователи, огромная опасность кроется в открытом желании руководства Китая использовать результаты «Data Mining» не только в проектах публичной дипломатии, но и в военной сфере. Результаты обработки больших данных о противниках Китая (в том числе и о США) позволяют КНР выйти на новый уровень своего военного развития.³

Как отмечают западные эксперты, угрозу всему «демократическому сообществу» представляет Иран и его цифровая дипломатия. В 2020 г. в преддверии президентских выборов США обвинили Иран в сборе данных об американских избирателях с целью использования полученных сведений для «запугивания избирателей, разжигания общественных беспорядков и нанесения ущерба президенту США Д. Трампу».⁴

Дискурс западных экспертов отражает реальность современной мировой политики. Компоненты датафикации в международных отношениях получили заметное распространение и активно используются ведущими государствами в рамках цифровой дипломатии в целом и дата-дипломатии, в частности. Аналитика цифровых данных обеспечивает

¹ *Strohm C., Mehrotra K., Sebenius A.* U.S. Official Says Iran, Russia Trying to Interfere in Election // Bloomberg. 22.10.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-21/u-s-says-iran-russia-have-attempted-to-interfere-in-election-kqk1nad5> (дата обращения: 25.10.2020).

² *Ashbrock C.* From Digital Diplomacy to Data Diplomacy // International Politics and Society. 2020. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/global/article/show/from-digital-diplomacy-to-data-diplomacy-3993/> (дата обращения: 25.10.2020).

³ *Kania E.* Artificial Intelligence and Chinese Power // Foreign Affairs. 05.12.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-12-05/artificial-intelligence-and-chinese-power> (дата обращения: 25.10.2020).

⁴ *Strohm C., Mehrotra K., Sebenius A.* US Official Says Iran, Russia Trying to Interfere in Election // Bloomberg. 21.10.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-21/u-s-says-iran-russia-have-attempted-to-interfere-in-election-kqk1nad5> (дата обращения: 25.10.2020).

государствам визуализацию расстановки политических сил в социальных сетях. Можно с уверенностью сказать, что дата-дипломатия навсегда изменила «дипломатический ландшафт» и в настоящее время является важнейшим феноменом мировой политики [10].

При этом экспертами констатируется тот факт, что абсолютный контроль государства за цифровыми данными становится практически невозможным. Данные пользователей, а также государственных учреждений, могут попасть в руки любого гражданина или организации, в том числе террористических группировок [7]. Еще в середине 2010-х специалистами по кибербезопасности был введен в обиход термин «*Internet Global Governance*» («Глобальное управление Интернетом»), включающий комплекс проблем, процесс переговоров и систему соглашений между различными стейкхолдерами, включая государства и гражданское общество, по вопросам международного и суверенного контроля за киберпространством.¹ Поэтому вопросы кибербезопасности и установления контроля за цифровыми данными пользователей глобальной сети остаются приоритетными направлениями в вопросе развития датафикации в международных отношениях.

Заключение

В 2018 г. цифровая дипломатия вступила в новый этап своего развития, именуемый экспертами *дипломатией данных (дата-дипломатией)*.

Подводя первые итоги развития дата-дипломатии, можно констатировать, что она представляет собой эволюционный этап развития цифровой дипломатии, обособленный от нее, и направленный на достижение государством определенных результатов в сфере публичной дипломатии, кибербезопасности, в информационном противоборстве, на дипломатических переговорах и консульской службе посредством применения технологий искусственного интеллекта и аналитики «больших данных» социальных сетей и иных интернет-ресурсов.

Использование подобных технологий для моментальной подготовки эффективных постов и контрмесседжей, формирования убедительных ответов на комментарии пользователей, поиска источников дезинформации и «троллей», выявления ключевых и эффективных блогеров является актуальным трендом международных отношений. Развитие данных технологий и их высокая востребованность стали

¹ *Cukier K.N.* Who Will Control the Internet? // Foreign Affairs. 2005. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2005-10-01/who-will-control-internet> (дата обращения: 25.10.2020).

следствием становления «острой силы», направленной на дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах, неотъемлемой частью внешней политики многих ведущих государств мира.

При этом государства не отказываются и от использования методов «мягкой силы», а дата-дипломатия, в свою очередь, используется для повышения ее эффективности.

Развитие дата-дипломатии, появление новых способов получения и использования данных интернет-пользователей для реализации внешнеполитических целей, а также возникновение концепции «дипломатия ради данных» являются следствием колоссального влияния датафикации на современные международные отношения. Можно констатировать тот факт, что интеллектуальный анализ цифровых данных скоро станет одной из главных целей внешней политики большинства стран, а такое явление, как «дипломатия ради данных» может заявить о себе как о негласном слогане современных международных отношений.

Список литературы

- [1] *Быков И.А.* Искусственный интеллект как источник политических исследований // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 23-33.
- [2] *Жуков Д.С.* Проблемы и возможности больших данных для изучения самоорганизованной критичности социальных медиа // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 1. С. 29-43.
- [3] *Кузнецов Н.М.* Актуальные методы цифровой дипломатии США в отношении России // Россия и мир. Мировая экономика и международные отношения в эпоху многополярного мира: сборник научных статей / под ред. О.В. Архиповой, А.И. Климина. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 98-111.
- [4] *Леонова О.Г.* Sharp Power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21-28.
- [5] *Цветкова Н.А.* Новые тенденции в развитии цифровой дипломатии // Общественная дипломатия глазами студента-международника: сборник материалов международной научно-практической студенческой конференции / научный редактор: Владимир Иванович Фокин. СПб.: Скифия, 2019. С. 29-33.
- [6] *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37-47.

- [7] *Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М.* Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4.
- [8] *Boyd A., Gatewood J., Thorson S., Dye T.* Data Diplomacy // Science and Diplomacy. 2019. Vol 8. No. 1. 13 p.
- [9] *Dye T.* Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science. Scientific Drivers of Diplomacy. Science Diplomacy Conference. 2015. P. 19-20.
- [10] *Jacobson B., Hone C., Kurbalija J.* Data Diplomacy. Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplo Foundation. 2018.70 p.
- [11] *Manor I.* Digitalization of Public Diplomacy. London: Palgrave Macmillan, 2019. 356 p. DOI: 10.1007/978-3-030-04405-3_2
- [12] *Mirmohammad Sadeghi S.M., Hajimineh R.* The Role of Iran's «Soft Power» in Confronting Iranophobia // MGIMO Review of International Relations. 2019. № 4. P. 216-238. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-216-238.
- [13] *Simons G.* Russian Public Diplomacy in the 21st Century: Structure, Means and Message // Public Relations Review. 2014. Vol. 40. P. 440-449. DOI: 10.1016/j.pubrev.2014.03.002
- [14] *Zeng D., Chen H., Lusch R., Li S.* Social media analytics and intelligence // Intelligent Systems. 2010. Vol. 25. No 6. P. 13-16. DOI: 10.1109/MIS.2010.151.

© Кузнецов Н.М., 2020

УДК 327.8

DOI: 10.46987/0920112020_65

**История развития
концепции «мягкой силы»
в контексте регулирования конфликтов**

The history of the development of the concept of
«soft power» in the context of conflict management

Николай И. Пупыкин

Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, г. Орел, Россия

Nikolay I. Pupykin

Oryol State University named
after I.S. Turgenev, Oryol, Russia

Аннотация. В статье проанализирована история возникновения и развития представлений о «мягкой силе» как инструменте регулирования межгосударственных конфликтов, представлено определение «мягкой силы», выявлены ее характерные черты и особенности применения.

Abstract. The article analyzes the problem of the emergence and development of ideas about «soft power» as a tool for conflict management, presents the definition of «soft power», identifies its characteristic features and application features.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», регулирование конфликтов, межгосударственные конфликты.

Keywords: «soft power», «hard power», conflict management, inter-state conflicts.

В истории и теории урегулирования межгосударственных конфликтов существует достаточно много концепций и разнонаправленных подходов. К сожалению, наиболее распространенным инструментом разрешения таких противоречий по-прежнему остается силовая форма, что в полной мере мы можем наблюдать на примере вновь вспыхнувшего конфликта в Нагорном Карабахе. Однако, начиная с 1990-х гг. в практике управления международными конфликтами крепко закрепился принцип применения «мягкой силы». Основоположником данной концепции по праву считают американского ученого Джозефа Ная, который призывал использовать в межгосударственных отношениях не только «метод кнута» (вооруженная сила, насилие, угроза силой), но и «метод пряника» («мягкая сила», воздействующая не на физические объекты, а на умы и сердца людей).

В 1990 г. Дж. Най опубликовал свою монографию с достаточно громким названием «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американского влияния», в которой довольно емко охарактеризовал свое видение возможного применения «мягкой силы» в международных отношениях. В частности, он подчеркивал, что «мягкая сила» заключается не в стремлении подчинить себе людей, а должна быть направлена на сотрудничество с ними, повышая тем самым их самооценку и внутреннее желание слушать оппонента. Ядром «мягкой силы» выступают культурные, общественно-политические, экономические и духовные ценности страны-донора. Они должны быть «навязаны» объекту внешней политики (реципиенту), но не силой, а исключительно путем информационного воздействия, пропаганды, уловок, манипуляций и прочего. Таким образом, население той страны, по отношению к которой применяется «мягкая сила», должно сформировать у себя идентичную аксиометрическую модель, воспроизводящую культуру страны-донора.

В своих работах Дж. Най представил развернутые характеристики «мягкой силы» на примере внешней политики Соединенных Штатов Америки. Он отмечал, что конкурентным преимуществом США является активная разработка и внедрение собственных образовательных программ по всему миру, которые постепенно будут только увеличивать американское международное влияние и популярность американских классических ценностей. Данный процесс должен привести к возникновению системы международной «зависимости» от США, и он будет стоить значительно дешевле, нежели постоянное наращивание военного присутствия по всему миру и раздувание военного бюджета.

В качестве источников «мягкой силы» Дж. Най рассматривал следующие компоненты: 1) культура страны-донора; 2) политические ценности страны-донора; 3) объективная, взвешенная и привлекательная внешняя политика государства [3, с. 104]. Что касается механизмов экономического воздействия, то исследователь отмечал, что их невозможно однозначно классифицировать, поскольку они могут трансформироваться как в «жесткую силу» (санкции, аресты счетов и прочее), так и в «мягкую», привлекая новых адептов показными критериями успешности развития, образом жизни, инвестициями и т. д.

К основным инструментам «мягкой силы» можно отнести следующие: место государства в системе международных отношений и его восприятие другими странами; социально-политические традиции и ценности; наличие развитых институтов гражданского общества; выстраивание культурного и образовательного диалога; развитие туристической сферы; участие государства в распространении мировой

массовой культуры, продвижении глобализационных ценностей и т. д. [2, с. 421]. Возможности применения «мягкой силы» при урегулировании и разрешении конфликтов оцениваются исследователями по-разному. Так, например, британский ученый К. С. Грей полагает, что именно «жесткая сила» выступает более действенным механизмом управления конфликтами. «Мягкая сила» далеко не всегда способна эффективно воздействовать на тот или иной конфликт, она скорее рассчитана на длительный эффект и направлена не на разрешение конфликтов, а на их предупреждение [4, с. 17 – 18].

Важно отметить, что большинство специалистов в области международных отношений убедительно доказывают, что государства должны уметь находить баланс между «мягкой» и «жесткой» силами, они не должны отказываться от какой-либо одной из них в пользу другой. Влияние той или иной страны на международной арене определяется совокупностью ресурсов «жесткой» и «мягкой силы». При этом важно отметить, что значительно различается природа их ресурсов. Так, «жесткая сила» опирается на материальные источники, которые легко и просто измерить, а «мягкая» – на нематериальные (популярность, репутационный капитал, PR-технологии и прочее). К тому же отличаются и поведенческие мотивы их применения. Если первая направлена на механизмы принуждения и силового давления, то вторая ориентируется на привлечение сторонников и их переубеждение в «правильных» ценностях. Но это вовсе не означает, что каждая из представленных сил не может «не сыграть на поле противника». «Жесткая сила» также может опираться на поведенческие мотивы, например, на угрозу применения силы. А «мягкая сила», в свою очередь, далеко не всегда может обойтись без опоры на материальные ресурсы.

Американский исследователь Д. М. Галларотти подчеркивает, что «мягкая сила» имеет два основных источника: внутренний (культура, политические ценности и традиции) и внешний (международное признание, соблюдение договоров и соглашений, уважение принципов международного права и т. д.) [4, с. 16]. По его мнению, эффективность применения механизмов «мягкой силы» зависит от того, насколько сбалансированы ее источники. Они не должны входить в противоречие друг с другом. В противном случае резко снижается потенциал наращивания «мягкого» воздействия на другие страны.

Для успешного использования инструментов «мягкой силы» в качестве метода регулирования и разрешения споров и конфликтов крайне важно, чтобы ее субъект (донор) обладал определенным набором характеристик: 1) он должен иметь огромный экономический потенциал, чтобы привлекать остальных уровнем жизни своих граждан; 2) «образ» страны-донора должен быть не просто привлекательным, но служить

примером и ориентиром для жителей других государств («страна возможностей», «каждый может сделать себя сам» и т. д.); 3) наличие понятных культурных ценностей; 4) международный статус государства должен «излучать» успешность и состоятельность, государство должно быть тяжеловесом в мировой политике; 5) государственная информационная политика и пропаганда должны активно развиваться во всех сферах человеческого взаимодействия (образование, наука, обмен студентами, массовая культура, интернет-технологии и прочее); 6) субъект «мягкой силы» должен обладать полным контролем над всеми перечисленными компонентами; 7) государство, применяющее «мягкую силу», должно ставить перед собой четкие задачи; 8) субъект «мягкой силы» обязательно должен обладать внутренней социально-политической стабильностью или хотя бы «показным» процветанием; 9) государство должно четко осознавать, *что именно*, какой набор ценностей оно будет предлагать реципиентам, и *кого* оно захочет сделать объектом своей «мягкой власти». Важно отметить, что все программы «мягкого» воздействия на оппонента носят среднесрочный или долгосрочный характер. Невозможно быстро перевернуть сознание людей, поэтому подбираются максимально правдивые лозунги, выверяются все приемы манипулирования общественным мнением.

Естественно, представленный перечень особенностей субъекта «мягкой силы» может быть дополнен и другими характеристиками, перечень которых постоянно расширяется. Но можно утверждать, что отсутствие любого из перечисленных выше критериев делает все остальные если не бессмысленными, то, во всяком случае, неэффективными, что ставит под угрозу саму возможность «мягкого» воздействия на оппонента.

Своими неотъемлемыми чертами обладает и объект «мягкой силы». В первую очередь, это ярко выраженные проблемы в идеологической плоскости, так называемый ценностный или мировоззренческий вакуум. В массовом сознании должна образоваться некая идеологическая пустота, которая постепенно подкрепляется уверенностью людей в том, что старые принципы «не работают» и не устраивают их в качестве жизненного ориентира. Психология массового поведения доказывает, что в подобном обществе может созреть добровольный запрос на подчинение чьей-либо «мягкой силе». Конечно, данная тенденция не будет проявляться в прямом желании «получить хозяина», но будет находить выход через поиски новых возможностей и перспектив в меняющемся мире.

Второй немаловажной чертой объекта «мягкого» воздействия выступает недостаточный уровень экономического развития. Объектами

«мягкой силой» в большинстве случаев становятся государства со слабыми экономическими, военно-промышленными и социально ориентированными отраслями. Но субъекты «мягкой силы» никогда не будут наглядно демонстрировать свое экономическое превосходство, поскольку в противном случае это может трансформироваться в «экономическое подчинение» или «экономическую экспансию», что может быть воспринято в штыки со стороны оппонента. Субъекты в данном случае должны служить примером и ориентиром развития, равным партнером, но никак не «хозяином мира».

Третьей характерной чертой объекта «мягкой силы» выступает слабость, непопулярность либо полное отсутствие пропагандистской и информационной государственной политики, посредством которой можно влиять на общественное мнение и сознание.

Следующей особенностью объекта воздействия является перманентная или накопившаяся политическая нестабильность. Человеческая природа всегда ищет в окружающем мире стабильность и безопасность, поэтому, когда государство не может обеспечить эти базовые условия, граждане начинают искать их во внешнем контуре и легко поддаются на яркие лозунги и вывески.

Ну и наконец, в стране-реципиенте должна быть развита сеть активных внешних агентов – многочисленных общественных организаций и фондов, напрямую финансируемых из внешних источников. Это так называемая «пятая колонна», которая может вести подрывную работу, критикуя государственную политику и пропагандируя западные или иные ценности. Неслучайно в последние десятилетия в Российской Федерации постоянно ужесточается законодательство в области зарубежного финансирования подобных организаций, появился даже статус «иностранный агент».

При анализе перечисленных характерных черт объекта «мягкого» воздействия важно упомянуть, что основной среди них выступает идеологическая составляющая. Пока население, даже находясь за чертой бедности, в целом сплоченно и удовлетворено морально, на него практически невозможно воздействовать при помощи «мягкой силы». Но как только идеология начинает размываться, то открывается широкий простор для информационной пропаганды и одурманивания граждан страны-реципиента.

Критики применения «мягкой силы» в контексте регулирования и разрешения международных конфликтов подчеркивают, напротив, ее низкую эффективность, отдавая приоритет непосредственно принципам «жесткой силы». Они аргументированно доказывают, что последствия «мягкого» воздействия далеко не всегда можно с точностью просчитать. К тому же это довольно долгий процесс, поэтому здесь не приходится

ожидать быстрый результат и скорое завершение конфликта. Даже Дж. Най неоднократно подчеркивал, что «мягкая сила» имеет много недостатков. Например, можно успешно реализовывать публичную (общественную) дипломатию, контролировать медийное пространство, развивать туризм и образовательные программы, но при этом практически невозможно контролировать развитие массовой культуры, можно только помогать ее распространению. В данном случае речь идет о том, что «мягкая сила» всегда носит индивидуальный характер, поэтому каждый объект ее воздействия сам делает сознательный выбор, какие ценности ему больше подходят.

Бывший британский дипломат и специалист в области международных отношений Ш. Риордан подчеркивает, что достижению целей «мягкой силы» препятствует ее активное неприятие со стороны страны-реципиента. Он отмечает, что успехи Европейского Союза в политике «мягкого национально-государственного строительства» на примере стран Восточной Европы были обусловлены, в том числе, относительно сформированным гражданским обществом в этих странах, цели развития и политические ожидания которого соответствовали вектору общей европейской политики. А вот провалы политики ЕС в ряде государств, – в первую очередь, в мусульманских, – Ш. Риордан связывает «с попыткой европейских «помощников» навязать там сверху вниз чуждые им ценности, сформировать несвойственные общественные институты и конституционные механизмы» [1, с. 68]. Наиболее конструктивным представляется такой подход к применению «мягкой силы», который основан на постепенном формировании гражданского общества, проповедующего прозападные ценности, и создании условий, способствующих зарождению необходимых политических институтов внутри страны.

В целом, можно отметить, что методы и технологии применения «мягкой силы» оказывают значительное влияние на достижение сторонами межгосударственных конфликтов своих стратегических целей, позволяют им минимизировать потери в возможном военном столкновении. При этом в случае острого противоречия внешнеполитических интересов субъекта и объекта «мягкой силы» возрастает вероятность применения «жесткой силы». В настоящее время представляется весьма актуальным, чтобы каждое государство не просто умело использовать «мягкую силу» при регулировании межгосударственных конфликтов и споров, но и научилось противостоять чужой «мягкой силе» в случае, если это коренным образом противоречит его жизненным и национальным интересам.

Список литературы

- [1] *Долинский А.В.* Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 1 (25). – С. 63-73.
- [2] *Ефанова Е.В.* Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 417-426.
- [3] *Леонова О.Г.* Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 101-114.
- [4] *Русакова О.Ф., Ковалева Д.М.* «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. – 2013. – № 3 (41). – С. 15-19.

© Пупыкин Н.И., 2020

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_72

**Освоение космоса как элемент
«МЯГКОЙ СИЛЫ» в современной мировой политике**

Space exploration as part of soft power in the world politics

Регина Р. Сафарова

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Regina R. Safarova

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. В статье рассматривается такой актуальный аспект мировой политики как освоение космического пространства ведущими мировыми государствами и политическими объединениями через призму стратегии «мягкой силы». Особое внимание акцентируется на использовании «космической повестки» во внешнеполитической деятельности России, Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза (ЕС).

Abstract. The article examines such an urgent aspect of world politics as the exploration of outer space by the world's leading states and political associations through the prism of the «soft power» strategy. Special attention is focused on the use of the «space agenda» in the foreign policy of Russia, the United States and the European Union (EU).

Ключевые слова: космос, Россия, США, ЕС, Илон Маск, частные космические компании, международное космическое право, милитаризация космоса, колонизация космоса, «мягкая сила».

Keywords: space, Russia, USA, EU, Elon Musk, private space companies, international space law, militarization of space, colonization of space, soft power.

Введение

Научно-техническая революция дала сильнейший импульс развитию человеческой цивилизации, на годы вперед обеспечив людей технологиями, которые продолжают совершенствоваться с каждым днем. Более того, этот технологический рывок носит необратимый характер – развитие компьютерных технологий происходит экспоненциально, стремительно ускоряется разработка и внедрение разнообразных инноваций. Некоторые технологические процессы в скором времени станут настолько сложными для понимания человека, что технологическая революция, начавшаяся десятилетия назад, радикальным образом изменит облик нашей цивилизации.

В этой связи можно процитировать великого русского изобретателя и основоположника теоретической космонавтики Константина Циолковского: «Невозможное сегодня станет возможным завтра» [3]. И действительно, само развитие космонавтики служит этому наглядным примером. Сегодня космическое пространство уже не является чем-то пугающим и загадочным, хотя, безусловно, человечество еще очень далеко отстоит от разгадок галактических тайн. Как считают некоторые ученые, в течение ближайших 10 – 20 лет станут возможны межпланетные перелеты и путешествия в космос «обычных людей».

Такая ситуация, по мнению автора, повлечет за собой активную колонизацию космического пространства, что может привести к открытому соперничеству между странами за влияние не только на Земле, но и в открытом космосе. На нынешнем же этапе следует отметить наличие слабых сторон в существующей системе международного космического права, которое, в отличие от технологий, не развивается столь же быстро по экспоненте.¹ А ведь вакуум, который может появиться в результате отсутствия определенных правовых решений, может привести к необратимым последствиям. Более того, ситуация с освоением космического пространства в условиях отсутствия общепринятых и четких правовых норм может привести не просто к гонке в космосе, но и, как минимум, к новому витку «холодной войны». Кроме того, необходимо проанализировать значимость «третьих игроков» в деле освоения космического пространства. В условиях, когда политику по освоению космоса проводят не только государства, но теперь уже и частные компании, мироустройство в целом может претерпеть серьезные изменения.

Освоение космического пространства всегда воспринималось лидерами государств, как еще одна область соперничества на мировой арене. Успешная космическая деятельность и сегодня рассматривается как определенный инструмент влияния на позиции других акторов в области международных отношений. Например, если какое-либо государство добивается определенных значимых результатов в данной области, у него появляются возможности по выработке соответствующей международной повестки, а значит и появляется возможность прямо или косвенно влиять на других участников международных отношений, усиливая свой авторитет, «делясь опытом» в обмен на сотрудничество,

¹ Подробнее о космическом праве см.: Сайфуллин Э. Колонизация космического пространства и космическое право // Российский совет по международным делам. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kolonizatsiya-kosmicheskogo-prostranstva-i-mezhdunarodnoe-pravo/> (дата обращения: 30.11.2020).

укрепляя отношения, в которых один из участников будет зависеть от другого, и т. д.

Для Российской Федерации тема освоения космического пространства отнюдь не нова, также как и для Соединенных Штатов Америки. Проекты по колонизации Солнечной системы имели место еще в 60-х – 70-х годах XX века [4].

Однако стоит отметить, что потенциал Российской Федерации в освоении космического пространства через призму «*мягкой силы*» остается не до конца раскрытым [5]. Для успешной реализации проектов в данной области российскому руководству стоит выработать долгосрочную стратегию использования «*мягкого силы*». При этом необходимо учесть, что инструменты «*мягкой силы*», описанные американским политологом Джозефом Наем, могут работать эффективно только в рамках долгосрочной и продуманной стратегии, когда обязательно соблюдается условие добровольного участия всех заинтересованных сторон. Инструменты «*мягкой силы*» могут принести действенные результаты, однако реализация с их помощью политических проектов может объективно затянуться на долгие годы [2].

Космос как политика «*мягкой силы*» Российской Федерации

Стоит отметить, что проекты по освоению космоса давно и успешно использовались во внешней политике России как элементы стратегии «*мягкой силы*». Они были одними из немногих инструментов осуществления этой стратегии в 1990-е – 2000-е годы, когда у России было мало других возможностей. Примером такого проекта может служить Международная космическая станция (МКС), которая с 1998 года является плацдармом для совместного сотрудничества и обмена опытом в области космических технологий между Россией и другими странами.

Однако потенциал «*мягкой силы*», пусть и в таком долгосрочном проекте, как МКС, начал постепенно угасать, и уже к середине 2000-х годов российское участие в нем перестало оказывать положительное влияние на отношения России с западными странами. Возникли трудности и в двусторонних российско-американских проектах, таких как спутниковая система «АМРОС», разработка и поставка российских ракетных двигателей «РД-180» для американских ракет-носителей «Атлас-V» [3]. Аналогичные проблемы наметились и в других совместных проектах в космической сфере. Здесь необходимо отметить, что потенциал и первоначальные цели политики «*мягкой силы*» в подобных проектах могут меняться или корректироваться, так как стороны заинтересованы,

в первую очередь, во взаимовыгодном экономическом и технологическом сотрудничестве. Поэтому повышенные ожидания и надежды, испытываемые в момент заключения соглашения, могут столкнуться с серьезными финансовыми или техническими трудностями. В некоторых проектах возникают проблемы, связанные с тем, какая конкретно сторона будет оплачивать ущерб в случае возможной неудачи или финансировать новые проекты в рамках достижения заявленных целей. Кроме того, существуют и проблемы с передачей интеллектуальной и технологической собственности.

Фактически одного применения различных инструментов «мягкой силы» еще недостаточно для достижения качественных результатов. Данная стратегия предполагает постоянную стимуляцию, подпитку. Важно при этом избегать стагнации, отката от уже достигнутых результатов. Таким образом, мы можем выделить следующие аспекты усиления российской политики «космического влияния».

Во-первых, необходимо поддерживать постоянную политическую актуальность того или иного космического проекта, ни в коем случае нельзя допускать стагнацию проектов с высоким потенциалом.

Во-вторых, следует обратить внимание на ретроспективу уже начатых и реализованных проектов, поскольку от того, какие цели ставились в рамках того или иного проекта, зависит его успешность. Как упоминалось ранее, цели и инструменты «мягкой силы» могут меняться и корректироваться в долгосрочной перспективе. При этом в краткосрочной перспективе они могут вообще не принести никаких дивидендов для государства, так как осуществление политики «мягкой силы» – это сам по себе исключительно долгосрочный проект [7]. Другими словами, государству необходимо выработать долгосрочный план действий, долгосрочную «космическую» стратегию, которая будет постоянно обновляться и совершенствоваться в зависимости от условий и требований международной повестки и внешнеполитических реалий.

Кроме того, следует отметить важность изучения *целевой аудитории*, на которую должна быть направлена стратегия «мягкой силы». Нужно понимать, что в отношении интереса к космосу существует определенная целевая аудитория, тем более что в общественном сознании обязательно будет отмечена успешность или неуспешность собственного правительства в деле освоения космоса. Целевую аудиторию важно выделить для того, чтобы получить определенные результаты в данной области.

Таким образом, для достижения внешнеполитических целей посредством «мягкой силы», продвигаемой на основе космического сотрудничества, необходимо привлечь финансирование, интеллектуальное сопровождение соответствующих проектов, а также

выработать положительную политическую повестку с целью их общественного одобрения.

Освоение космоса как часть политики «мягкой силы» США и Европейского Союза

Развитие космических технологий также является традиционной сферой интересов для США и Европейского Союза (ЕС). Еще с момента запуска первого искусственного спутника Земли в 1957 году Соединенные Штаты включились в «космическую» гонку с Советским Союзом. Они с самого начала стремились к тотальному доминированию в космическом пространстве, использованию его ресурсов и ограничению конкуренции. Если обратить внимание на политику президентов США, можно заметить, что каждый из них уделял особое внимание вопросам освоения космоса. Более того, 45-й президент Соединенных Штатов Дональд Трамп достаточно четко обозначил приоритеты американской военно-политической стратегии в космосе. Предшественник Трампа, Барак Обама, превзошел своих коллег по количеству одобренных доктринальных документов, касающихся деятельности США в космическом пространстве. Это, в частности, «Доктрина космических операций» (2009 г.), «Обзор космической политики» (2009 г.) и «Стратегия национальной безопасности в космосе» (2011 г.) [4]. Другими словами, можно отметить целенаправленную стратегию США, направленную на доминирование в космическом пространстве.

В наши дни США всячески стремятся подчеркнуть свое лидерство в космической сфере, в том числе за счет военно-технических достижений. Также нельзя не отметить американские частные компании, деятельность которых уже стала неотъемлемой частью одной общей стратегии, направленной на формирование положительного имиджа государства сквозь призму освоения космического пространства. При этом частные компании делают акцент на привлекательности космических программ для рядового населения. То есть, в Соединенных Штатах сделан акцент на привлечении повышенного внимания к «космической повестке» со стороны не только мирового сообщества, но и общества собственно американского. И в этом случае задействованы средства массовой информации, художественные и документальные фильмы, сериалы, телепередачи, посвященные важности освоения космоса. Здесь, конечно же, нельзя не вспомнить Голливуд с его известными «космическими» блокбастерами.

На внешнеполитической арене Соединенные Штаты стремятся привлечь другие страны к программам совместного сотрудничества,

обмена опытом и технологиями, и, конечно же, к интеллектуальному обмену. В качестве примера удачного взаимодействия можно привести Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 17 июня 1992 года. Впоследствии такая кооперация вылилась в полноформатное сотрудничество по вопросу создания МКС, а Звёздный городок под Москвой стал международной площадкой для подготовки космонавтов к полетам на орбиту.¹ Стоит упомянуть и о довольно успешном сотрудничестве США с европейскими странами и Японией.

Итак, можно отметить, что американская стратегия освоения космоса нацелена на долгосрочную перспективу, имеет высокий потенциал и четкую структуру. Большую роль в продвижении и популяризации этой стратегии играют частные компании, в особенности компания «SpaceX» Илона Маска. Успеху стратегии в немалой степени содействует давняя политика США по «утечке умов» из других стран. Наконец, необходимо отметить активную пропаганду национальной космической программы через медиасферу, чего так не хватает современной России

Если обратиться к источникам, описывающим участие стран Европы в освоении космоса, можно с уверенностью заявить, что ЕС по праву является одним из важнейших игроков в этой области [6]. В частности, Европейский парламент в 2020 году утвердил бюджет на семилетнюю космическую программу, который составил 16,9 миллиардов евро. Стоит отметить, что только Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) может тратить порядка 20 миллиардов долларов в год на космические программы. При этом цифра 16,9 миллиарда евро касается только программы ЕС и не включает бюджет Европейского космического агентства (5,7 миллиарда евро в 2019 году), ведь состав его государственных участников отличается от состава ЕС. В целом же Европа занимает второе место после США по объему средств, инвестируемых в космическую программу, что говорит о серьезной заинтересованности европейского сообщества в освоении космоса.²

Что касается применения «мягкой космической силы», которую ЕС намерен использовать для достижения определенных политических и экономических целей, то устремления ЕС здесь не столь амбициозны, как,

¹ Борисков Р. Освоение космоса как инструмент мягкой силы // Наука и техника. 26.04.2017. URL: <https://naukatehnika.com/osvoenie-kosmosa.html> (дата обращения: 01.11.2020).

² Шейко Ю. Как ЕС намерен защищать свое место в космосе // Deutsche Welle. 17.04.2020. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 09.11.2020).

например, у Америки. В целом у ЕС существует множество программ по совместному освоению космоса. Важный акцент делается на студенческих и научных обменах, в ходе которых талантливых молодых ученых привлекают к работе в Европейском Союзе. ЕС в целом намерен постепенно отдаляться от сотрудничества с американской стороной в вопросах освоения космического пространства. Российская Федерация рассматривается при этом в качестве потенциального союзника. Кроме того, необходимо, хотя бы и бегло, отметить все возрастающую значимость Китая, который в последнее время достаточно укрепился и уже готов всерьез «играть» в открытом космосе с точки зрения как «мягкой», так и «жесткой силы».

Заключение

Следует отметить, что делать прогнозы о возможных путях использования ведущими мировыми государствами космического пространства в рамках стратегии «мягкой силы» практически невозможно. Объясняется это тем, что сама специфика реализации этой стратегии и ее инструментов довольно непредсказуема, так как нуждается в постоянном обновлении в зависимости от изменения внешнеполитической повестки дня каждого суверенного государства.

На сегодняшний день США можно по праву считать лидером в использовании космической индустрии как элемента государственной политики «мягкой силы», поскольку только в этой стране на данный момент существуют серьезные работающие инструменты, которые действительно приносят соответствующий результат.

В данной ситуации России необходимо принимать более активное участие в выработке «космической» повестки дня, предлагать собственные пути решения актуальных вопросов, а также выработать долгосрочную стратегию, направленную, в первую очередь, на планомерное развитие отношений с другими странами в области освоения космоса. В этой связи крайне важным направлением российской внешней политики является не только противодействие попыткам милитаризации космического пространства и жесткой конкуренции, но и курс на планомерное, конструктивное и взаимовыгодное международное сотрудничество. В совокупности эти инструменты долгосрочной стратегии «мягкой силы» способны обеспечить России выгодные позиции в будущей борьбе за космос.

Список литературы

- [1] *Борисов А.В.* «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // Мировая политика. 2020. № 1. С. 1-11.
- [2] *Зарянов Е.П.* «Мягкая сила» как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика. 2015. № 1. С. 89-122.
- [3] *Игнатьев В.А.* Циолковский К. Э.: творчество и болезни. Монография. М., 2016.
- [4] *Козин В.П.* Космическая политика США: претензия на доминирование с упором на силу // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 1. С. 24-43.
- [5] *Лузин П.А.* Космос как инструмент «мягкой силы» внешней политики России // Индекс безопасности. 2012. № 3-4. С. 203-208.
- [6] *Мухаметов Р.С.* Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 47-57.
- [7] *Fan Y.* Soft power: the power of attraction or confusion // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 2. № 4. P. 147-158.

© Сафарова Р., 2020

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE WORLD POLITICS AND MASS MEDIA

УДК 327

Формирование образа России
в европейских СМИ:
политические и экономические факторы

The Image of Russia in European Media:
the Political and Economic Factors

Хивон Джанг
Университет Ёнсе
Сеул, Республика Корея

Heewon Jang
Yonsei University
Seoul, Republic of Korea

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть образ России, представленный в средствах массовой информации таких крупнейших европейских стран, как Великобритания, Франция и Италия. Автором констатируется тот факт, что новостные издания в этих государствах находятся под сильным влиянием крупных медиакорпораций (в частности, американской транснациональной компании «News Corp.»), что накладывает серьезный отпечаток на редакционную политику. Также в странах Европейского Союза существует ряд проблем в области законодательного регулирования масс-медиа. Эти факторы в совокупности становятся причиной отсутствия плюрализма мнений в крупнейших европейских СМИ в отношении России, что порождает тенденциозное освещение ее внутренней и внешней политики.

Abstract. The purpose of this article is to examine the image of Russia presented in the media of such major European countries as Great Britain, France and Italy. The author states that news outlets in these countries are under the strong influence of large media corporations (in particular, the American transnational company «News Corp.»), which leaves a serious imprint on editorial policy. In addition to this, in the countries of the European Union, there are a number of problems in the field of legislative regulation of mass media. These factors together become the reason for the lack of pluralism of opinions in the largest European media regarding Russia, which gives rise to biased coverage of its domestic and foreign policy.

Ключевые слова: образ государства, внешняя политика, Россия, Евросоюз, СМИ, политическая журналистика, пропаганда.

Keywords: image of state, foreign policy, Russia, European Union, political journalism, propaganda.

Введение

Основным инструментом формирования образа зарубежной страны в общественном сознании являются *средства массовой информации* (СМИ). Они играют ключевую роль в создании стереотипов и представлений о конкретных государствах. Передаваемые через масс-медиа новости доносят до массовой аудитории информацию об общественно-политической жизни той или иной страны, о ее экономике, культуре, религии, транслируя тем самым основные смыслы, формируя стереотипы и порождая в конечном итоге мифы об этой самой стране. Помимо собственно информативной функции СМИ выполняют функцию воздействия на потребителя информации, в которой главную роль играет способ подачи материала. Именно от способа подачи зависит ясность восприятия сообщаемых фактов.

Средства массовой информации являются мощнейшим инструментом формирования общественного мнения. Тема России является одной из наиболее острых и обсуждаемых в европейских СМИ.

Цель данной статьи – изучить образ России в новостных изданиях ведущих европейских стран. Данная цель предполагает решение следующих исследовательских задач: определить исторические предпосылки формирования образа России в европейских странах; раскрыть его основные характеристики (содержание, специфику, структуру, формы и функции использования образа); определить факторы, влияющие на современный медийный образ России.

Объектом исследования являются СМИ таких стран, как Великобритания («The Times», «The Guardian»), Франция («Le Monde», «Le Figaro») и Италия («Il corriere della Sera», «La Repubblica»).

История вопроса: формирование образа России в европейских странах

Прежде всего необходимо обозначить основные этапы эволюции образа России в европейском сознании. Американский историк Мартин Эдвард Малия в своем труде «*Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*» называет четыре таких этапа:

Первый приходится на 1709 – 1815 гг. (от Полтавской битвы до Венского конгресса). В этот период Россия, хотя и ассоциируется с «просвещенным деспотизмом», но тем не менее воспринимается как страна, которая всё же способна достичь со временем европейских культурных стандартов [6].

Второй этап начинается с 1815 г., когда Александр I подписал итоговые положения Венского конгресса и учредил Священный Союз, и

заканчивается в 1856 г., когда Николай I проиграл Крымскую войну. В этот период Европа видит Россию уже «Европейским жандармом» [8]. Тогда же Астольф де Кюстин выпустил путевые записки «Россия в 1839 году», которые содержали критический взгляд на Россию с той точки зрения, что русской культуре неотъемлемо присущи варварские черты, вследствие чего Россия не способна успешно усвоить европейские ценности.

Третий этап формирования образа России приходится на 1860 – 1917 гг. Либеральные реформы Александра II резко поменяли образ страны, породив представление, что она является хоть и самобытной, но все-таки частью Европы [6].

Четвертый этап кардинально меняет все прежние представления. В ходе Революции 1917 года и Гражданской войны возникло новое государство – Советский Союз. Несмотря на большое число симпатизировавших ему жителей Европы, среди которых были, в том числе, и видные европейские интеллектуалы, Советский Союз в западном сознании стал прочно ассоциироваться с отрицанием ценностей свободного общества [6]. В этот период СССР предстает в образе «врага», противостоящей европейскому обществу державы. Во время Холодной войны западноевропейские страны, и в первую очередь Великобритания, видят в Советском Союзе зловещий образ, который представляет угрозу всей свободной Европе. В знаменитой Фултонской речи 1946 г. бывший премьер-министр Соединенного Королевства Уинстон Черчилль заявил, что разделивший европейский континент «железный занавес» от Штеттина на Балтийском море до Триеста на Адриатике является причиной, по которой Западу необходимо нарастить «мускулы мира» для защиты демократии и свободы.

Периодизация, предложенная М. Малией, на сегодняшний день может быть дополнена новым, *пятым этапом*, который охватывает историю постсоветской России с 1990-х гг. В начале этого этапа Россия рассматривалась как страна, которая, следуя рекомендациям Европейского Союза и западных партнеров, стремится «добросовестно» стать полноправной частью Европы. Однако с 2007 г. образ России вновь кардинально меняется. Россия начинает оцениваться как страна, не способная меняться «по канонам Европы».

Необходимо отметить, что образ, который был нами кратко охарактеризован в пределах выделенных периодов, является неоднородным. Это обуславливается прежде всего тем, что сама Европа не является однородной. В разных европейских культурах есть свои образы России. Так, например, в отличие от других западных стран Италия, по крайней мере, на протяжении последних семи десятилетий, всегда стремилась поддерживать хорошие отношения с Россией, даже в

период Холодной войны. В октябре 1944 г. были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами (Италия к тому времени уже год поддерживала отношения с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции). Кроме того, в Италии была самая большая среди западных стран коммунистическая партия, которая насчитывала более 2 млн. человек [4]. Такое различие обусловлено тем, что Италия в силу своей богатой истории имела собственный опыт развития национальной идентичности, в чем-то сближавший ее с Россией.

И действительно, нельзя пренебрегать тем фактом, что в европейской культуре бытует и другое мнение, согласно которому Россия, несмотря на свое исконное и глубокое своеобразие, является частью европейской цивилизации. Отличия России не носили сущностного характера. Немецкий философ Фридрих Ницше подчеркивал, что Россия – «единственная страна, у которой есть будущее, которая может обещать и ждать». Важно понимать, что Россия тесно связана с европейскими странами экономическими, политическими, культурными и историческими связями. Также в силу своего географического положения и христианской культуры она, по нашему мнению, объективно является европейской страной.

Специфика формирования образа России в новостных изданиях Великобритании, Франции и Италии

Рассматривая современные методы формирования образа России в европейских СМИ, можно отметить их явный негативный характер. Например, во французских изданиях активно используются различного рода эвфемизмы, которые путем создания нейтральной или положительной коннотации позволяют замаскировать истинную оценку события. Чем глубже сокрыт стереотип, тем сильнее эффект его воздействия. Чтобы раскрыть корни предубеждения, содержащиеся в материалах о России, необходимо порой «снимать» целые слои текста. В британских новостных материалах, наоборот, наблюдается тенденция открыто осуждать все, что связано с политическими действиями России.

Невзирая на различия в системе новостных изданий Италии, Франции и Великобритании, у них имеется единая основа для подачи материала. В самых общих чертах заключается она в том, что Россия предстает как агрессор и серьезный противник, как страна, у которого сложные, конфликтные взаимоотношения с остальным миром.

Европейская общественность получает информацию, которая зачастую не просто не является полной, а очень даже приблизительна. Например, в материалах западной прессы российской оппозиции приписывается наличие единой, основанной на «европейских ценностях»

идеологической платформы, что позволяет представлять ее в качестве конкретной альтернативы нынешнему руководству страны.

Распространение информации о России в целом подчинено двум основным тенденциям современной журналистики. Первая тенденция требует упрощения (а иногда и прямой вульгаризации) информации, поскольку использование стереотипов обеспечивает быстрое, некритичное восприятие новостей массовой аудиторией. Вторая тенденция подразумевает приоритет национальных новостей над международными, что предполагает одностороннее, тенденциозное освещение событий в других странах и на международной арене. Исторически сформировавшиеся стереотипы, использование штампов европейской идентичности, попытки заострить внимание на каких-либо острых конфликтных ситуациях – всё это активно используется западными СМИ в качестве инструментов манипуляции и искусственного нагнетания международной напряженности.

О лоббировании средств массовой информации в Великобритании, Франции и Италии

Концентрация собственности и управления в сфере масс-медиа – это процесс, при котором всё меньшее число людей и организаций способны влиять на информационную и экономическую политику средств массовой информации. В результате возникает медиаолигополия, когда крупные медиакомпании устраняют конкуренцию в бизнесе путем слияния и поглощения различных СМИ, занимая, таким образом, доминирующее положение в медиаиндустрии. Это влияет, однако, не только на саму индустрию, но и на содержание и распространение контента, поскольку в стандартизированном процессе производства и маркетинга информационного продукта практически все передаваемые сообщения (новостной материал) – и в плане содержания, и в плане подачи – приводятся в четкое соответствие с экономическими и политическими интересами медиамагнатов [7]. С концентрацией собственности деятельность СМИ начинает жестко регулироваться, а информация становится объектом пристального контроля. Следствием этого являются злоупотребления властью, отсутствие разнообразия мнений, конфликт интересов и подавление журналистской свободы.

Так, нами был изучен состав основных владельцев крупнейших периодических изданий Великобритании, Франции и Италии. Особо стоит отметить, что большинство из них являются акционерами медиахолдинга «News Corp.», основатель которого – американский медиамагнат Руперт Мердок. Ниже представлена информация о

концентрации собственности и управления в отдельных СМИ в контексте их зависимости от медиахолдинга «News Corp.».

Издания «The Guardian» и «The Times» являются самыми читаемыми и авторитетными СМИ не только в Великобритании, но и во всем англоязычном мире. «The Guardian» превратилась из сравнительно небольшой британской леволиберальной газеты в ведущее мировое СМИ. В материалах «The Guardian» часто встречаются такие логикориторические приемы, как, например, подмена аргумента или перенос смыслового акцента. Конечным владельцем «The Guardian» является компания «Scott Trust Ltd.». В настоящее время председателем совета директоров «Scott Trust Ltd.» является Алекс Грэхем, а членом совета директоров – Энтони Зальц, старший инвестиционный банкир и исполнительный вице-президент банка Ротшильдов – «N. M. Rothschild & Sons». При этом из одиннадцати членов совета директоров «Guardian Media Group» (компания, которая непосредственно владеет газетой) четверо занимали или занимают политические должности.

«The Times» долгое время считалась «самой открытой газетой в британской истории с точки зрения своей политической направленности». В настоящее время она полностью принадлежит «News Corp.». Руперт Мердок придерживается принципа пристального контроля над редакционной политикой и следит за тем, чтобы его подчиненные (главные редакторы изданий) всегда следовали определенным политическим интересам. Фактически использование СМИ стало инструментом манипулирования не только общественным мнением, но и мнением правительств многих стран. Гарольд Эванс, бывший редактор «Sunday Times» (воскресный выпуск «The Times», также подконтролен «News Corp.»), признался, что Руперт Мердок вмешивался в редакционную политику издания и в целом использовал прессу для удовлетворения собственных политических интересов.¹

Анализируя французские издания «Le Figaro» и «Le Monde», важно отметить, что политические принципы этих газет формировались постепенно. «Le Figaro» считается газетой умеренно правых и правоцентристских взглядов. Неудивительно, что на ее страницах антисоветские материалы чередовались в свое время с проамериканской пропагандой. «Le Monde» принадлежит компании «Group Le Monde», владельцами которой являются акционер «News Corp.» Матьё Пигасс, социалист Ксавье Ниль и испанская пресс-группа «Prisa», 54% акций

¹ Запись с судебного заседания с участием бывшего редактора газеты «The Sunday Times». URL: <https://www.discoverleveson.com/hearing/2012-0.5-17/1098> (дата обращения: 10.11.2020).

которой принадлежат опять-таки владельцу «News Corp.» Р. Мердоку.¹ Французский историк и эссеист Эммануэль Тодд в своей книге «Где мы? Очерк человеческой истории» проанализировал образ России на страницах «Le Monde» и «Le Figaro», и охарактеризовал его как «иррациональный» и «русофобский».

Говоря об Италии, следует рассмотреть главное национальное издание – газету «Corriere della Sera». Ее издатель – группа «RCS MediaGroup». Газета имеет репутацию независимого издания. Однако состав совета директоров «Corriere della Sera» говорит нам скорее об обратном. В совет входят, например, Берардино Либонати, член совета директоров «Telecom Italia» и «Pirelli» (Руперт Мердок владеет 4% акций этих компаний),² Энрико Зальца, директор банка «Intesa San Paolo» (Эдуард Ротшильд из «Rothschild S.p.A» является миноритарным акционером банка с 1999 года), уже известный нам Энтони Зальц – акционер «Scott Trust Ltd.» и британской газеты «The Guardian», и так далее.

Давление на СМИ как фактор отсутствия плюрализма мнений в отношении России

В 2015 – 2020 гг. проблема плюрализма в СМИ вышла на первый план в политической повестке Европейского Союза. По причине того, что европейские институты не смогли разработать единую политику поддержки плюрализма, во многих государствах-членах ЕС стала наблюдаться тревожная тенденция, когда вслед за сокращением плюрализма в СМИ наметилось ослабление демократических институтов [12]. На данный момент единственным европейским законом, касающимся плюрализма в СМИ, является «Европейский закон о конкуренции», который направлен на ограничение частной или государственной деятельности, которая каким-либо образом может препятствовать конкуренции на общеевропейском рынке. Несмотря на благие намерения, этот закон фактически не может справиться с процессом централизации собственности из-за ухода с рынка субъектов, которые больше не являются конкурентоспособными. В отношении медиарынка эта тенденция была зафиксирована еще в начале 1990-х годов [8]. В 1992 г. Европейская комиссия приступила к обсуждению

¹ Отчет об акционерах медиахолдинга «News Corp.». URL: <https://newscorpcor.com.files.wordpress.com/2018/09/news-corp-2018-annual-report.pdf>. (дата обращения: 10.11.20).

² Отчет об акционерах «Corriere della Sera». URL: <https://www.borsaitaliana.it/comitato-corporate-governance/documenti/governance2015ita/telecom.pdf> (дата обращения: 10.11.20).

проблем, связанных с концентрацией собственности на рынке СМИ и снижением информационного плюрализма, но решила тогда ограничиться общей декларацией, оставив правовое регулирование этого вопроса на усмотрение отдельных государств-членов ЕС [9].

Только несколько стран, в том числе Италия, Франция и Великобритания, приняли предложение Европейской комиссии и наложили ограничения на максимальный допустимый процент владения акциями в капитале СМИ [10]. По этой причине в 1995 году Европейский парламент принял резолюцию, в которой указывалось, что национальные подходы к решению проблемы плюрализма в СМИ наносят ущерб внутренним рынкам, вследствие чего государствам-членам ЕС предписывалось согласовывать между собой принимаемые в этой области меры. В 1997 году Европейская комиссия отказалась от законодательного регулирования работы СМИ на европейском уровне под давлением крупных медиакорпораций (одной из которых является «News Corp.»). В 2002 году Европейский парламент вновь решил включить проблему плюрализма в СМИ в европейскую повестку, обратившись к Еврокомиссии с просьбой изучить возможные политические, экономические и правовые последствия принятия общеевропейского закона, регулирующего деятельность СМИ. Однако и в этот раз комиссия под давлением крупных корпораций отказалась рассматривать этот вопрос.

В 2008 г. Европейским парламентом был подготовлен очередной доклад о проблеме плюрализма в СМИ. В нем вновь содержался призыв к Европейской комиссии более четко отслеживать применение Закона о конкуренции, чтобы обеспечить рост плюрализма в средствах массовой информации, в том числе, с учетом географических и мультикультурных аспектов [10]. Тем не менее, Европейский парламент признал объективные трудности в принятии законодательных решений по воплощению в жизнь концепции плюрализма [5].

Таким образом, отсутствие конкуренции на рынке «производителей новостей» и вмешательство крупных медиакомпаний в редакционную политику масс-медиа провоцируют проблему отсутствия плюрализма в новостных изданиях Италии, Франции и Великобритании. Это является одной из главных причин негативного освещения внешней и внутренней политики России в крупнейших европейских СМИ.

Список литературы

- [1] Директива Комитета министров ЕС государствам-членам о мерах по содействию прозрачности СМИ от 22 ноября 1994 года.
- [2] Земсков В.Б. Образ России «на переломе» времен // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. № 1.
- [3] Bull G., Tronconi F. The elusive nature of the Lega Nord // Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational. (Eds.) Mammone A., Godin E., Jenkins B. London: Routledge. 2012. 344 p.
- [4] Barbera G.L. Lotta Comunista: Il gruppo originario (1943–1952). Edizioni Lotta Comunista, 2012. 54 p.
- [5] McCormick J. Understanding the European Union: A Concise Introduction (The European Union Series). Palgrave Macmillan; 5th edition. 2011. P. 90–93.
- [6] Malia M.E. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. London: The Belknap Press of Harvard University Press. 1999. 528 p.
- [7] Meier W.A. Media Ownership – Does It Matter? // Bagdikian (VI. 4). 2000. P. 299–301.
- [8] Nazzini R. The Foundations of European Union Competition Law. Oxford: OUP, 2014. 427 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199226153.001.0001
- [9] Pagden A.R. The Idea of Europe from Antiquity to the European Union / ed. by Anthony Pagden. Cambridge, 2002. Pp. 45–46.
- [10] Picard R. The Sisyphean Pursuit of Media Pluralism: European Efforts to Establish Policy and Measurable Evidence // Communication Law and Policy. 2007. Vol 22. No 3. P. 247–259.
- [11] Herrmann R.K., Risse T., Brewer M.B. More than Nationals: How Identity Choice Matters in the New Europe. UK: Rowman and Littlefield. 2004. P. 163–195.

УДК 654.19(4/9)

**Роль тревел-медиа в развитии
туристической привлекательности
Республики Молдова**

The role of Travel-Media
in the development of touristic attractions
of the Republic of Moldova

Владлена Маргус

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Владлена Маргус

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена особенностям тревел-журналистики в Республике Молдова. Тревел-медиа рассматриваются как один из главных акторов туристической привлекательности страны. В статье представлены основные этапы становления и развития средств массовой информации Молдовы, охарактеризованы главные тревел-медиа республики, а также проанализирована их роль в формировании государственного имиджа. Научная новизна статьи заключается в том, что ранее тревел-медиа Республики Молдова не исследовались с точки зрения их роли в национальном брендинге. Несмотря на рост туристической привлекательности Молдовы, констатируется наличие целого ряда проблем, связанных с международным имиджем республики и с ее репрезентацией в тревел-изданиях для зарубежной аудитории. В статье затрагиваются также и проблемы самих тревел-медиа Республики Молдова с точки зрения удовлетворения туристического интереса к региону.

Abstract. The article touches upon the theme of the peculiarities and functioning of the travel media of the Republic of Moldova as one of the main actors in the tourist attraction of the region for the international community. The origin and development of the mass media of the Republic of Moldova was considered, the main travel media of the country were noted, and their role in the tourist image of the region was analyzed. The scientific novelty of the topic of the article lies in the fact that earlier travel media was not studied from the point of view of the image of the state. Recently, tourist interest in the country has been growing, but the region has problems with its image for an international audience. The article also examines the problems of travel media in the Republic of Moldova from the point of view of meeting the tourist interest in the region.

Ключевые слова: Республика Молдова, СМИ, молдавские СМИ, журналистика, тревел-журналистика, тревел-медиа, туризм, имидж региона.

Keywords: Republic of Moldova, mass media, Moldavian media, journalism, travel journalism, tourism, image of the region.

История становления СМИ в Республике Молдова

Зарождение молдавской печатной прессы датируется первой половиной XIX века. Во многом на ее становление и развитие повлияло присоединение Бессарабии к России в 1812 году по условиям Бухарестского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1806 – 1812 годов. По понятным причинам пресса издавалась преимущественно на русском языке, одновременно соседствуя с региональными румынскими газетами.

С 1854 по 1917 годы выпускалась первая официальная газета края «Бессарабские губернские ведомости», выходившая два раза в неделю. «Эту газету особо никто не читал, так как местные жители не понимали язык власти», писал в исследовании по истории молдавской печати Мирча Руснак.¹ С начала июля 1867 года в Бессарабии на двух языках издавался журнал «Кишиневские епархиальные ведомости». Русский текст печатался в левой колонке, румынский – в правой. С 1871 года в журнале оставили лишь русский язык. Это были основные государственные печатные издания в то время [1]. Что касается частных СМИ, то первое частное издание в Бессарабской губернии называлось «Бессарабский вестник». Это была ежедневная газета, выходившая в 1889 – 1897 годах. Издание содержало официальные сообщения, хронику местной бессарабской жизни, фельетоны, очерки, а также коммерческие объявления [6].

На рубеже XIX – XX веков в Бессарабии на русском языке выпускались следующие газеты: «Голос Кишинева» (1914), «Эхо Бессарабии» (1906 – 1910), «Искра» (1901 – 1902), «Кишиневский листок справок и объявлений» (1880 – 1917), «Бессарабец» (1897 – 1901) и другие [1]. По данным Александру Болдура, румынская пресса в Бессарабии в период между 1812 и 1880 годами была представлена 116 наименованиями, а затем, с 1881 по 1918 годы — еще 114 изданиями. Преимущественно эти газеты относились к фольклоросодержащим и религиозным изданиям [6].

На румынском языке с 1903 по 1918 годы выходили газета «Бессарабская жизнь», которой владел румын Александр Ноур, и журнал «Basarabia» («Басарабия»), в котором печатались известные молдавские интеллектуалы того времени – Алексей Матеевич и Пан Халипа. С 1907 по 1908 годы существовала газета на молдавском языке «Молдованул»

¹ *Rusnac M.* Presa în Basarabia țaristă (1812 – 1918) // *Istoria*. URL: http://www.istoria.md/articol/454/Pres%C3%AEn_Basarabia_%C5%A2arist%C4%83 (дата обращения: 02.11.2020).

(«Молдаванин»). Однако с каждым годом периодической печати на молдавском становилось все меньше [1].

После Революции 1917 года Бессарабия пережила мощный подъем национального движения. Национальный парламент в марте 1918 года проголосовал за объединение Бессарабии с Румынией, одновременно в страну вошли румынские войска. В результате территория нынешней Молдовы стала частью Румынии [4]. Это привело к тому, что языковой уклон не только прессы, но и всей жизни в Бессарабии радикально поменялся. С этого момента газеты и журналы издавались преимущественно на румынском языке, а подпольно выходили уже большевистские издания.

В июне 1940 года Бессарабия была включена в состав Советского Союза, и на большей части ее территории была создана Молдавская Советская Социалистическая Республика. В истории молдавских средств массовой информации начался важный период, который можно охарактеризовать, как «революцию печатной прессы», произошедшую на фоне общего развития журналистики по всему СССР. По данным Информационного банка прессы Молдовы, в стране только в одном 1972 году было издано 77 журналов с общим годовым тиражом 35 тыс. экземпляров.¹ Среди них насчитывалось 19 изданий на молдавском языке с годовым тиражом более 17 тыс. экземпляров. Главные газеты республики на молдавском языке в советский период: «Moldova Socialista» («Социалистическая Молдова»), «Tinarimea Moldovei» («Молдавская молодежь»), «Viata satului» («Жизнь села»), «Tinarul Leninist» («Юный ленинец»), «Comunistul Moldovei» («Молдавский коммунист»), «Limba si literature moldoveneasca» («Молдавский язык и литература»), «Femeia Moldovei» («Женщина Молдовы»), «Invatatorul Sovietic» («Советский учитель») и другие [1].

Еще в 1928 году начались первые радиотрансляции. В Молдавской ССР было создано полноценное радиовещание, которое в своем развитии прошло стадии от республиканского радиокомитета до «Национального радио и телевидения» в 1990 году.²

Информационная сфера в современном ее понимании активно стала развиваться в стране после того, как Молдова получила независимость 27 августа 1991 года. После распада СССР власти республики выдала квоту на телевещание «Первому каналу», который

¹ Periodice naționale vechi // Biblioteca națională numerică digitală. URL: <http://www.moldavica.bnrm.md/biblielmo?e=p-01000-00---off-0periodice--00-1----0-10-0---0---0direct-10---4-----0-11--11-ro-50---20-about---00-3-1-00-0-0-11-1-0utfZz-8-00&a=d&cl=CL1> (дата обращения: 12.10.2020).

² Instituția publică națională a audiovizualului compania Teleradio Moldova. URL: <http://www.trm.md/ru/istoric/> (дата обращения: 08.10.2020).

продолжил свою трансляцию на русском языке. Параллельно с этим в молдавский эфир вышло и «Румынское Национальное Телевидение», которое передавало программы из столицы Румынии – Бухареста. Таким образом, с обретением независимости жители Молдовы стали получать информацию преимущественно от филиалов иностранных СМИ. Местное же медиапроизводство, напротив, оказалось в серьезном кризисе из-за падения рекламных доходов, львиная доля которых ушла на зарубежные телеканалы.

Официально роль СМИ была признана на государственном уровне лишь в 1995 году, когда парламент Республики Молдова принял так называемый «Аудиовизуальный закон», а спустя семь лет – в 2002-м – документ о Национальном общественном телевидении. Несмотря на это, с 1990 года и по настоящее время в стране работает лишь один государственный телеканал «Moldova-1» под управлением общественной телерадиокомпании «Телерадио Молдова», которая финансируется из средств государственного бюджета.

Если говорить о современном этапе развития молдавских СМИ, то из печатной прессы на сегодняшний день в республике обильно представлена «глянцевая» журналистика. Издания «Aquarelle», «Sanatate», «VIP Magazin», «Вкус жизни», «Splendid» и «Business Class» достаточно популярны среди женской аудитории 18 – 45 лет.¹ В них затронуты все присущие глянцу темы – мода, стиль, путешествия, бизнес, здоровье, семья, карьера и прочее.

Другие печатные издания представлены в меньшем количестве. Так, наиболее популярными румынскими изданиями являются еженедельник «Сэптэмына» («Неделя»), на долю которого приходится около 15% рынка, а также ежедневная газета «Тимпул де диминяцэ» («Утреннее время») с рыночной долей порядка 7%. Выходящий дважды в неделю «Журнал де Кишинэу» («Кишиневский журнал») имеет рыночную долю около 7%, а на ежедневную газету «Молдова Суверанэ» («Независимая Молдова») приходится не более 2% рынка.²

Русскоязычные газеты представлены «Комсомольской правдой» (30% газетного рынка) и еженедельником «Аргументы и факты»

¹ Официальный сайт «International business company Welcome.MD». URL: <http://www.welcome.md/rus/Magazines-and-Newspapers> (дата обращения: 12.10.2020).

² Каталог медиа. URL: http://www.ournet.md/catalog/news_media/news_websites (дата обращения: 06.11.2020).

(рыночная доля – 14%). Обе газеты издаются в России и имеют местные вкладыши.¹

По данным исследования «Медиа-гида», подготовленного Независимым центром журналистики, рынок печатных СМИ все еще находится на стадии своего активного становления. В этом секторе представлены государственные, некоммерческие и коммерческие издания. Главная особенность печатных СМИ Молдовы – дифференциация по языку: примерно половина изданий выпускается на румынском, другая половина – на русском языках. Также существует рынок мультикультурных СМИ – это издания на гагаузском, болгарском и украинском языках, а также на языке идиш. Стоит отметить, что читательская аудитория большинства газет заметно сокращается в пользу телевидения и Интернета.

Отдельно стоит рассмотреть телевизионные каналы Республики Молдова (таблица 1).

Таблица 1. Основные телеканалы Республики Молдова

<i>Телеканал</i>	<i>Год создания</i>	<i>Описание</i>
TVC21	1994 год	Коммерческое телевидение, которое показывает фильмы на русском языке
NIT TV	1997 год	Коммерческое телевидение, вещающее на русском языке за исключением молдавского вечернего выпуска новостей
ProTV Chişinău	1999 год	Транслирует в основном румынскую телепрограмму, хотя показывает и молдавские передачи
EuTV Chişinău	2002 год	Сначала владельцем выступал муниципалитет города Кишинёва, но в 2007 был приватизирован. Показывает фильмы на русском языке с румынскими субтитрами
TV7/TV8	2006 год	Франшиза телеканала НТВ. Предлагает выпуск местных новостей на румынском языке и аналитический местный контент на русском языке. С 2016 года выходит в эфир как TV8
Jurnal TV	2010 год	Коммерческий новостной телеканал. Основная сетка – на румынском языке, но часть программ есть и на русском. Самый популярный оппозиционный канал в Молдове

Существует отдельная компания «*General Media Group*», которая производит и транслирует медиаматериалы. Ее главный акционер —

¹ Исследование аудитории. Национальный центр журналистики. 2011. URL:http://www.ijc.md/index.php?option=com_content&task=view&id=323&Itemid=117 (дата обращения: 06.11.2020).

Владимир Плахотнюк.¹ Она дополнительно включает телеканалы «Prime», «Publica TV», каналы «Canal 2» и «Canal 3» (таблица 2).

Таблица 2. Телеканалы «General Media Group»

Телеканал	Год создания	Описание
Prime	1999 год	Коммерческое телевидение, близкое «Первому каналу». Одновременно показывает молдавскую сетку и ретранслирует российские программы
Publica TV	2010 год	Круглосуточный новостной канал. Один из самых популярных каналов среди телезрителей, благодаря успешному выбору форматов. ТВ-канал является еще и мультинациональным: половина программ идет на государственном языке, половина — на русском.
Canal 2 и Canal 3		Оба канала входили в актив GMG до 12 мая 2017 года. Лицензия теперь принадлежит холдингу «Telestar Media». Зрителю предлагается разнообразный выбор телесериалов и художественных фильмов, а также новостных сводок.

Помимо государственных и частных телеканалов в сетку вещания молдавского эфира включены следующие зарубежные телеканалы:

- (1) Международные телеканалы: «National Geographic», «НВО», «Animal Planet», «Discovery»;
- (2) Франшизы российских телеканалов: «RTR Moldova», «TNT Bravo», «СТС»;
- (3) Румынские телеканалы: «TVR 1», «Realitatea TV», «Național TV», «Acasă TV», «PRO TV», «Kiss TV».

Согласно опросам, телевидение является основным источником информации в стране – ему отдают предпочтение 71% населения. В сравнении с радио и прессой, которым, соответственно, доверяют 8% и 2%, этот показатель, несомненно, очень значительный.²

Что касается сетевых СМИ, то они начали развиваться в республике с распространением сети Интернет. Однако для их по-настоящему широкого распространения необходимо было преодолеть

¹ Официальный сайт Координационного совета по телевидению и радио Республики Молдова. Реестр лицензий на деятельность по телевещанию. URL: <http://cca.md/files/Registru%20TV%20Eter%20Etalon.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).

² Исследование аудитории. Национальный центр журналистики. 2011. URL: http://www.ijc.md/index.php?option=com_content&task=view&id=323&Itemid=117 (дата обращения: 01.10.2020).

ограниченность доступа к сети, нехватку средств и оборудования, а также отсутствие рынка онлайн-рекламы. Прорыв в развитии «новых медиа» произошел в 2009 году, когда в стране произошли массовые беспорядки в ходе апрельских парламентских выборов. В экспертных кругах подобные акции получили название «*Твиттер-революции*» из-за активного использования протестующими социальных сетей и средств мгновенного обмена сообщениями («мессенджеров») для координации своих действий и мобилизации граждан [3]. Онлайн-медиа, по сути, стали в те дни единственным оперативным источником информации для жителей Молдовы, а также для зарубежных СМИ.¹

Среди популярных румынских и русских онлайн-медиа следует выделить такие сайты, как «StireaZilei.md», «Hotnews.md», «ActualPress.md», «Communicate.md», «Enews.md», «Internet-Moldova.md», «Jurnal.md», «Nord.md», «Politcom.md», «Politic.md», «Stiri.md», «Yamnews.md», «OMG.md», «Unimedia.md» и другие. Лидирующим интернет-СМИ Республики Молдова является «Point.md» – молдавский интернет-портал, который был открыт в 2006 году компанией «Simpals». «Point.md» входит в рейтинг пяти самых посещаемых сайтов страны, а ежемесячная аудитория ресурса составляет 950 тыс. уникальных пользователей. В среднем сайт ежедневно посещают 100 тыс. пользователей из Молдовы.

Тревел-медиа Республики Молдова и их роль в создании привлекательного туристического имиджа страны

Тревел-СМИ Республики Молдова являются отдельной областью для медиаисследований. Тревел-журналистика в традиционных молдавских СМИ не представлена в виде отдельного жанра. Фактически тревел-журналистика представлена лишь в непрофильных молдавских медиа исключительно в качестве дополнительного контента. Отсюда следует проблема очень низкой туристической привлекательности Республики Молдова. Причина кроется в том, что журналистика не удовлетворяет информационные, рекреационные и эстетические потребности целевой аудитории. И если население Молдовы знает о том, что есть в их стране, зарубежные граждане элементарно не представляют географического расположения Республики Молдова. Единственными ресурсами, которые действительно могут быть полноценными средствами

¹ *Harding L.* Moldova forces regain control of parliament after «Twitter revolution» // The Guardian. 08.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau> (дата обращения: 10.11.2020).

навигации по туристической составляющей страны, являются «новые медиа», которые будут проанализированы нами далее. Чтобы выяснить, как Молдова выглядит для международной аудитории, мы возьмем такие тревел-медиа, как интернет-ресурс «Moldova.travel», интернет-ресурс «CasaMare.md» и интернет-портал «locals.md» (раздел «Молдова»).

В первую очередь, стоит обратить внимание на определение понятия «имидж региона», которое мы будем использовать при анализе тревел-СМИ Республики Молдова. Известный американский экономист и маркетолог Филипп Котлер определяет имидж территории как «...сумму убеждений, представлений и впечатлений людей о территории. Имидж отражает личное восприятие территории и может отличаться у разных людей. При этом у них могут сложиться разные имиджи одной территории, или возникнуть одинаковый имидж с разным отношением к нему» [2]. В подходе Котлера присутствует субъективность восприятия явления территориального имиджа разными категориями людей. Барбара Дженес говорит об этом понятии так: «имидж территории представляет собой многослойное образование, включающее в себя ряд разнообразных элементов: национальные символы, цвета, одежду; типичные для этой территории постройки, музыку, литературные произведения, особенности политического устройства государства, обычаи, историческое наследие и многое другое» [7]. Здесь сделан акцент на культурной составляющей, которая отличает и выделяет особенности региона на фоне других. Стоит отметить, что в имидже территории огромную роль играют конкурентные преимущества региона, то есть способность удовлетворения потребностей сильнее, чем у конкурентов. С точки зрения целевой аудитории под конкурентными преимуществами подразумеваются:

- (1) туристическая привлекательность – способность обеспечить комфортное и увлекательное пребывание туристов;
- (2) инвестиционная привлекательность – преимущества ведения бизнеса на данной территории: наличие ресурсов, необременительность и прозрачность административных процедур, наличие платежеспособного спроса;
- (3) привлекательность для проживания – способность обеспечить высокое качество жизни населения [5].

Первым тревел-ресурсом, который мы рассмотрим, является «Moldova.travel», запущенный Национальным агентством внутреннего туризма Республики Молдова как портал, который призван познакомить жителей самой страны, а также туристов с культурой и историческими достопримечательностями Молдовы. Портал состоит из многих разделов,

один из которых призван удовлетворить туристические нужды. В число причин посетить Республику Молдова, по мнению журналистов, входят: «Возможность узнать новое», «Люди и их гостеприимство», «Вино, вино и еще раз вино», «Самобытность», «Активный отдых», «Безопасность» и «Необычные мероприятия». Каждая из причин подкреплена аргументацией и яркими фотографиями для привлечения внимания. Например, пункты о вине и самобытности можно считать конкурентными преимуществами страны, ведь Молдова, действительно, всегда была известна своими виноградниками и уникальным укладом жизни. Помимо всего прочего, портал предлагает посетителям «Календарь событий», который рассказывает о регулярных мероприятиях на территории Республики Молдова.¹ Это помогает туристам и жителям страны следить за событиями, которые по-настоящему отражают молдавскую культуру и самобытность. Кстати говоря, мероприятия, как правило, бесплатные либо предполагают символическую плату, что является еще одним конкурентным преимуществом.

Второй тревел-ресурс – портал «CasaMare.md», который специализируется на продвижении национального туризма. Цель проекта – пригласить в Молдову «ценителей всего необычного и благородного».² На платформе «О Молдове» можно найти страницы из истории республики, которые в замысловатой манере рассказывают о том, как развивалось государство. Места для пешего, водного, автомобильного, винного и других туристических маршрутов можно найти в разделе «Достопримечательности». Маршруты и детали поездок размещены в разделе «Экскурсии». На «Casa Mare» также есть календарь событий в разделе «События». Если у вас много времени на отдых в Молдове, тогда вам стоит посетить раздел «Места отдыха», где вы найдете санатории, базы отдыха, рестораны, которые по-настоящему раскроют вам все красоты страны. Концепция «Casa Mare» (в переводе с молдавского – «Большой дом») подразумевает верность традициям. В истории Молдовы так называлась самая ценная комната в доме, которая украшалась и обставлялась всем самым драгоценным и дорогим для семьи. Здесь хранились приданное, ковры, праздничная одежда. Все главные праздники проводили именно в «Casa Mare». Отсюда – туристическая привлекательность за счет уникальности опыта, который можно пережить в Молдове. Сайт побуждает своих посетителей почувствовать

¹ Календарь событий 2020. URL: <http://www.moldova.travel/ru/calendar-2020.html> (дата обращения: 01.11.2020).

² Официальный сайт «CasaMare MD». URL: <https://casamare.md/o-kompanii> (дата обращения: 06.11.2020).

атмосферу настоящей традиционной молдавской семьи, делая их частью этой самой семьи.

Третий ресурс – раздел «Discover Moldova», расположенный внутри портала «locals.md», который, в свою очередь, является ежедневным интернет-журналом о событиях в Молдове и ее столице – городе Кишиневе. Стоит отметить, что портал не посвящен непосредственно тревел-тематике, а лишь содержит тревел-контент. В отличие от предыдущих площадок, раздел «Discover Moldova» ведется в стиле блога, где каждая публикация – вдохновляющий рассказ о путешествии в Молдову, который сопровождается яркими кадрами и захватывающими описаниями. Интересно, что тексты в «locals.md», отличаясь своей простотой и доступностью, освещают те моменты, которые прошлым двум площадкам осветить не удавалось. Так, например, в одной из публикаций можно узнать о туристическом маршруте на Дубоссарскую гидроэлектростанцию.¹ Платформа «Discover Moldova» обеспечивает не только информационную и рекреационную удовлетворенность туристов, но также эстетическую и когнитивную составляющие туристического путешествия. Благодаря неординарному подходу авторов раздела к выбору мест для посещения, страна действительно может рассчитывать на поток туристов.

Однако, стоит констатировать низкую направленность тревел-контента Молдовы на международную аудиторию. Как было отмечено ранее, тревел-медиа представлены всего лишь несколькими действительно специализированными медиа, что составляет совсем небольшой процент охвата той целевой аудитории, для которой они были предназначены. Сайт «Moldova.travel», например, в принципе не обладает статистикой данных из-за того, что количество посещений и переходов на площадку ничтожно мало.²

Проблема туристической привлекательности страны также состоит в том, что при поиске специализированных сайтов или СМИ интернет-поисковики («Google», «Яндекс» и другие) выдают пользователям сайты туристических агентств, различных винных туров, а также отелей и ресторанов, «забывая» о том, что Молдова – это не только вино и еда, но и самобытные традиции и культура.

Следовательно, можно констатировать, что тревел-медиа Молдовы, хотя и выполняют свои функции, но в целом для решения проблемы

¹ Дубоссарская ГЭС разработала туристический маршрут // Locals. 18.10.2020. URL: <https://locals.md/2020/dubossarskaya-ges-razrabotala-turisticheskij-marshrut/> (дата обращения: 10.11.2020).

² Similar web analytics on Moldova. Travel website. URL: <https://www.similarweb.com/website/moldova.travel/> (дата обращения: 06.11.2020).

туристической привлекательности страны этого явно недостаточно. Стоит также отметить, что туристический интерес к стране из-за устоявшихся еще с постсоветского времени стереотипов («пьяные молдаване», «нищие цыгане» и прочее), не столь силен, каким бы он мог быть в современных условиях развития Интернета и «новых медиа». Имидж республики вполне добротен представлен в проанализированных нами медиаресурсах, однако их влияние на целевую аудиторию – как молдавскую, так и зарубежную – является невероятно низким. Исправить такие показатели помогут значительные изменения в редакционной политике всех молдавских СМИ. В данном контексте считаем необходимым перевести основной вектор вещания с политических и коммерческих сюжетов на тревел-тематику, сделав упор на сильные стороны Молдовы, такие как культура, национальная кухня, достопримечательности, история. Качественное освещение этих аспектов жизни страны обеспечит выход молдавских тревел-медиа на международный уровень с помощью большого охвата целевой аудитории за счет рекламы.

Список литературы

- [1] История Республики Молдова. С древнейших времён до наших дней / Istoria Republicii Moldova: din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre / Ассоциация учёных Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Кишинёв: Epan Poligraf, 2002. 360 с.
- [2] *Котлер Ф.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2015. 390 с.
- [3] *Кузнецов Н.М.* Актуальные методы цифровой дипломатии США в отношении России // Россия и мир. Мировая экономика и международные отношения в эпоху многополярного мира: сборник научных статей / под ред. О.В. Архиповой, А.И. Климина. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 98-111.
- [4] *Ореус И.И.* Турецкие войны России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. 1890 – 1907.
- [5] *Переладова Е.С.* Имидж региона: структура и факторы // Молодой ученый. 2019. № 30 (268). С. 82-83.
- [6] *Трубецкой Б.А.* Из истории периодической печати Бессарабии 1854 – 1916 гг. Кишинёв. 1989. 271 с.
- [7] *Jenes B.* Reconsidering the measurement of country image – theory and practice // FIKUSZ 2008. Business Sciences Symposium for Young Researchers: Proceedings. Obuda University, Keleti Faculty of Business and Management. 2018. P. 65-80.

УДК 327

DOI: 10.46987/0920112020_101

**Теоретические аспекты
медиатизации дипломатического инцидента
в информационной повестке дня**

Mediatization of a diplomatic incident: theoretical aspects

Алена Д. Хаймина

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Alena D. Khaymina

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Исследование посвящено проблеме медиатизации дипломатического инцидента в современной информационной повестке. Автор рассматриваются теоретические аспекты освещения дипломатической деятельности в средствах массовой информации (СМИ), а также проводится содержательный анализ ключевых понятий. Автор приходит к выводу, что в процессе медиатизации дипломатический инцидент приобретает новые свойства, такие как сложносоставная структура (инцидент может стать частью другого, более сложного и глобального конфликта), политическая ориентированность, иной масштаб и длительность, а также расширенный круг агентов медиатизации.

Abstract. This research is devoted to the study of the mediatization of the «diplomatic incident» in the modern information agenda. The author examines the theoretical aspects of coverage of the diplomatic field in the mass media, as well as a logical analysis of key concepts. The author comes to the conclusion that in the process of mediatization, a diplomatic incident acquires new properties, such as a complex structure (an incident can become a part of another, more complex conflict), political orientation, a different scale and duration, as well as an expanded circle of mediatization agents.

Ключевые слова: медиатизация, дипломатический инцидент, дипломатическая деятельность, информационное пространство, повестка дня.

Keywords: mediatization, diplomatic incident, diplomatic activity, information space, agenda.

Введение

Развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий привело к существенному влиянию медиасферы на современные политические процессы. Политические события, в том числе и на международном уровне, активно освещаются в информационном пространстве. Создавая виртуальное информационное поле, средства

массовой коммуникации оказывают серьезное влияние на восприятие общественностью политической реальности и задают модели поведения, что определяет крайне высокую значимость медиа в современных политических процессах (как на внутригосударственном, так и на внешнеполитическом уровнях).

Беспрецедентно возросшая роль масс-медиа вызвала необходимость исследования крайне актуальной на сегодняшний день темы – медиатизации дипломатического инцидента в информационной повестке. Роль средств массовой информации в контексте освещения дипломатической деятельности, несомненно, очень существенна, поскольку именно от количества, качества и содержания публикаций в СМИ, а также оперативности их реагирования зависит, будет ли общество проинформировано о возникновении какого-либо дипломатического инцидента или противоречия, и, если да, то каким образом. Широкое освещение дипломатической проблематики в СМИ превратилось также и в средство воздействия на массовую аудиторию, в инструмент формирования общественного мнения. Нередко именно СМИ и «новые медиа» способствуют осознанию обществом в достаточно короткие сроки не только самого факта наличия внешнеполитических противоречий, но и их сущности, а также степени их потенциальной угрозы интересам страны, стабильности и безопасности [6]. Цель данной статьи – рассмотреть понятие «медиатизированный дипломатический инцидент» и основные принципы освещения дипломатической деятельности в цифровых средствах массовой информации.

Анализ ключевых понятий

Авторы считают целесообразным провести содержательный анализ ключевых понятий, фигурирующих в исследовании, что позволит лучше понять логику построения научного инструментария, а также объяснить полученные результаты.

Ключевым понятием данного исследования выступает понятие медиатизированного дипломатического инцидента. Рассматривая данный термин, стоит начать с определения самого слова «инцидент». С точки зрения конфликтологии, инцидент (от лат. *incident* – случающийся) определяют как первый этап открытого периода в динамике конфликта, представляющий собой столкновение сторон и попытку решить проблемную ситуацию в свою пользу [1]. «Большой словарь иностранных слов» определяет понятие инцидента как недоразумение, неприятное происшествие, столкновение [2]. В ходе инцидентов затрагиваются или воспринимаются как затрагиваемые интересы, ценности и потребности

социальных субъектов взаимодействия, что и приводит к возникновению проблемной ситуации.

Далее следует остановиться на понятии дипломатического инцидента. Исследователи предлагают следующую трактовку: «дипломатический инцидент» – это международный конфликт, решаемый дипломатическим путем [4]. На наш взгляд, объединение понятий «дипломатический инцидент» и «международный конфликт» ошибочно. Французский дипломат Рауль Делькорд предлагает более узкое определение дипломатического инцидента – он определяет его как инцидент, возникающий из-за нарушения принципов, регулирующих отношения между государствами, что, в конечном счете, может привести к серьезному военному конфликту.¹ По его мнению, дипломатический инцидент, как правило, становится преднамеренным актом, в ходе которого страна и ее посольство могут стать предметом негативной кампании, которая открыто поддерживается властями того государства, где эта кампания организована.

В контексте теории кризисных коммуникаций Т. Кумбса «дипломатический инцидент» можно трактовать как незначительный, локальный сбой в дипломатической службе [13]. В нашем понимании такой эпизод воспринимается не как локальное, а как обыденное событие в практике дипломатических отношений.

Попадая в информационную повестку, дипломатические инциденты приобретают медиатизированный характер. Медиатизация инцидента предполагает опосредованный онлайн- и офлайн-коммуникацией процесс расширения круга информирования о нем. Концепт «медиатизированного дипломатического инцидента» имеет формирующийся характер, однако исследователи отмечают тот факт, что данный феномен обладает такими свойствами, как сложносоставная структура, значительный мобилизационный потенциал и явная политическая ориентированность.² Также медиатизированный характер инцидента предполагает увеличение его масштабов и взаимную трансформацию политического дискурса и медиадискурса.

Необходимо отметить, что медиатизация дипломатических инцидентов может носить как естественный, так и организованный характер. В случае естественной медиатизации основными агентами

¹ *Cornago N.* The Diplomatic Incident and the Changing Semantics of Historical Time. 2016. URL: https://www.academia.edu/35568969/The_Diplomatic_Incident_and_the_Changing_Semantics_of_Historical_Time (дата обращения: 13.11.2020).

² *Ачкасова В.А.* Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации. 2020. URL: <https://smif.spbu.ru/about/tezisy-2020.html?layout=edit&id=57> (дата обращения: 17.06.2020).

медиатизации выступают внешнеполитические ведомства и пресслужбы посольств. Организованный характер медиатизации предполагает превращение дипломатических инцидентов и случаев из дипломатической практики в значимый информационный повод и ключевое событие дня с подачи цифровых СМИ. При этом нередко происходит трансформация дипломатических инцидентов из рядовых случаев в профессиональной дипломатической деятельности в публичные события, общедоступные для массовой аудитории.

Таким образом, средства массовой информации как главные агрегаторы новостной информации играют ключевую роль в медиатизации дипломатических инцидентов и зачастую занимают при этом позицию косвенного участника или третьей стороны [5]. В современных конфликтах, в том числе и дипломатических, СМИ выступают одновременно и как специальный субъект, и как инструмент конфликтного взаимодействия [6].

Принципы освещения дипломатической сферы в средствах массовой информации

Освещение дипломатических инцидентов в информационной повестке дня и их восприятие массовой аудиторией во многом зависит от трактовки медиа, от того, какие оценочные представления они формируют и как прогнозируют развитие событий. Таким образом, СМИ дают тему для общественного обсуждения, в ходе которого у субъекта складывается представление о каком-либо новостном событии, в том числе и о дипломатическом инциденте [9]. При этом в отношении подачи материала СМИ придерживаются своей определенной политики. В соответствии с этим формируется отношение людей к происходящему. СМИ практически дают возможность стать очевидцем событий, происходящих внутри закрытой сферы дипломатических отношений. Из-за того, что аудитория не имеет возможности проверить информацию, частым явлением выступает факт использования недостоверной, неподтвержденной информации, что предполагает *сотворение*, а не отражение политической реальности, выгодной определенному кругу лиц для привлечения на свою сторону как можно большего числа людей. В таких случаях, когда повестка дня в СМИ сформулирована о далеком от читателей факте, в частности о дипломатических инцидентах, процесс определяется как «акт веры в суждения средств массовой информации» [12]. Согласно типологии М. Маккомбса и Д. Шоу, в данном случае СМИ актуализируют тему, которую аудитория не имеет возможности проверить на основе собственного опыта.

Отдельно стоит отметить, что дипломатическая повестка становится востребованной со стороны СМИ и формируется в зависимости от заинтересованности аудитории в конкретном новостном событии. СМИ производят новостные сообщения, интерпретируя которые, аудитория осознает текущие события, формирует о них свое мнение [7]. Сегодня наблюдается чрезмерная активность средств массовой информации в борьбе за внимание аудитории и за влияние на общественное сознание. Именно аудитория является своеобразным заказчиком информации. В соответствии с этим в случае, если проблема никак не привлечет аудиторию, дальнейшего освещения она не получит.

О. А. Мельникова, сотрудник Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России, считает, что проблематика информационного освещения деятельности российской дипломатии имеет особую актуальность, которая обусловлена тем фактом, что зачастую отдельные СМИ и стоящие за ними политические силы разных стран предоставляют искаженную и необъективную информацию о происходящих в мире событиях, влияя на общественное мнение [11].

Более того, СМИ владеют внушительным количеством различных инструментов и технологий для создания определенного информационно-медийного фона. У них имеется возможность манипулировать информативными поводами и привлекать интерес только к определенными событиями или факторам. В исследовательских работах отмечаются самые разнообразные приёмы и способы образования информационной повестки в СМИ, в частности относительно дипломатических инцидентов [3].

Одна из важнейших манипулятивных технологий, которую используют средства массовой информации для влияния на общественное мнение и создания информационной повестки, – это особый метод подачи информационного материала, так называемый «framing» (оформление). Основной смысл данной концепции состоит в манере визуальной подачи информации. Следовательно, в зависимости от необходимости обратить внимание или, наоборот, уменьшить акцентирование на той или иной информации, будет использоваться соответствующее визуальное оформление. Исследователи обращают также внимание на атрибутивный компонент новостного сообщения, то есть на восприятие аудиторией факторов и событий через приписываемые им атрибуты.¹

Также новостной дискурс включает в себя такие компоненты манипулирования, как фокусирование внимания потребителей новостей

¹ Николаева Ю. Влияние СМИ на формирование общественного мнения. URL: <http://www.dnp.ru/publications/our-publications/media/smivsom> (дата обращения: 07.10.2020).

на актуальности события; осмысление и подтверждение подлинности освещения события в новостном дискурсе; объективизация сообщаемого, то есть исключение альтернативных взглядов на происходящее [8]. Информационная повестка создается при помощи набора конкретных средств и приемов, которые способствуют формированию определенного мнения у читателя (зрителя, слушателя). Каждый конкретный случай применения этих приёмов характеризуется определенной целью, мотивом и текущей обстановкой. Используя подобные технологические приёмы и особенности стилистики, СМИ эффективно и масштабно влияют на формирование общественного мнения, в выгодном направлении освещают различные аспекты дипломатической проблематики.

Поскольку в центре нашего внимания – освещение дипломатической повестки и, в частности, дипломатических конфликтов и инцидентов, то целесообразно будет рассмотреть модели информационного сопровождения конфликтов, предложенные М. Мельниковым. Автор предлагает позитивную и негативную модели информационного сопровождения конфликтов в СМИ. Позитивная модель предполагает отражение реальных проблем и стадий конфликта и объективное информирование о всех событиях, исключаящее предоставление неполной информации и наличие стереотипного мышления [10]. Негативная модель, напротив, предполагает ложную, необъективную трактовку проблем и стадий конфликта, предоставление искаженного образа сторон конфликта (одна сторона подвергается негативной стереотипизации, а другая – позитивной), необъективное информирование о конфликтных событиях и избирательное отражение инициатив и действий оппонентов по урегулированию конфликта.

Заключение

Попадая в современное публичное пространство, даже незначительные, на первый взгляд, дипломатические инциденты становятся значимыми информационными поводами, подвергают риску отношения между странами, приобретают чрезмерно медиатизированный характер. Таким образом, медиатизированный дипломатический инцидент приобретает новые свойства, такие как сложносоставная структура (инцидент может стать частью другого, более сложного и глобального конфликта), политическая ориентированность, иной масштаб и длительность, а также расширенный круг агентов медиатизации.

Также медиатизированный характер предполагает увеличение масштабов инцидента и взаимную трансформацию политического дискурса и медиадискурса.

Обилие информационных потоков стало причиной возникновения множества способов, с помощью которых действия или высказывания, имевшие место в таких закрытых и узкопрофессиональных областях, как дипломатическая служба, могут стать объектом широкого публичного освещения и обсуждения в СМИ. Исследователи утверждают, что дипломатические инциденты приобретают политическое значение лишь в той мере, в какой они становятся предметом интенсивной медиатизации в СМИ. Отсюда возникает понятие «медиатизированный дипломатический инцидент». В настоящем исследовании авторы постарались дать свое определение этому понятию. Однако данный концепт, как уже было отмечено, носит еще формирующийся характер и требует дальнейшего изучения и актуализации.

Список литературы

- [1] *Анциупов А.Я., Шипилов А.И.* Словарь конфликтолога. 2-е издание. СПб.: Питер, 2006. 528 с.
- [2] Большой словарь иностранных слов / Под ред. Пигулевской И.С. 2008. М.: Центрполиграф. 688 с.
- [3] *Горгиедзе Э.Р.* Специфика современных технологических приёмов и особенностей стилистики в освещении международных конфликтов // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 54-60.
- [4] *Дмитриев В.К., Новиков А.Б., Рагозина Н.А., Щербаковский Г.З.* Применение международного права в дипломатических инцидентах: Россия и Китай // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 135-139.
- [5] *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Алгоритм, 2015. 258 с.
- [6] *Кинаш Ю.С.* Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/831> (дата обращения: 17.10.2020).
- [7] *Кихтан В.В.* Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 221-227.
- [8] *Мамиева Б.Ю.* Манипулятивный потенциал современных СМИ при освещении военных конфликтов // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-4. С. 859-861.
- [9] *Михайлов С.А.* Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2012. 446 с.

- [10] *Мельников М.Б.* Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Изд-во «Права человека». 2006. 156 с.
- [11] *Мельникова О.А.* Основные задачи информационного обеспечения внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С.93-100.
- [12] *Черепанова Д.А.* Информационная повестка как механизм формирования политического имиджа государства // Вестник ПАГС. 2016. № 5 (56). С. 136-141.
- [13] *Coombs T.* Ongoing crisis communication. Planning, managing and responding. 2007. Thousand Oaks: Sage Publications.

© Хаймина А.Д., 2020

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Сборник научных статей

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Ответственность за точность цитат, имен, фактов, названий, переводов и иных сведений, а также за соблюдение законодательства несут авторы публикуемых материалов.

Иллюстративный материал для данного издания, его отдельных разделов и статей взят из открытых источников в сети Интернет, если иное не указано в тексте.

Дизайн и обложка
Н. М. Кузнецов

Подписано в печать 12.12.2020. Формат 60x84 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Объем 7 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
Заказ № 57

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Фора-принт»
Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр., д.4